ББК 84(2Р) 6
А-46

В десятую книгу «Свет» поэта Ивана Александрова, лауреата литературной премии им. А. А. Фета (1997 г.), вошли стихотворения разных лет, в которых ярко звучит тема любви к родному краю, с его живописным раздольем — красивыми реками, дубравами, знаменитыми на весь мир местами, где жили И. С. Тургенев, А. А. Фет и другие славные люди. В сборник включены стихи о Родине, о трудном времени, которое она переживает, много стихотворений о любви — задушевной, искренней, притягательной.

ISBN 587295—060—8

© Вешние воды 1997.

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

То от Холопьева моста,
То с улицы Тургенева
Пахнет в лицо дымком костра,
Дымком костра осеннего.

Потянет свежестью реки,
Горчинкой полынковою,
И обветшалостью стрехи,
И стружкою сосновою.

Запахнет русской стариной,
Густой медовой бражкою,
И свежей корочкой ржаной,
И давней кавардашкою.

И снова на закате дня,
Сквозь дым и расстояния,
Из детства хлынут на меня
Волной воспоминания.

Возникнет в памяти моей
Зеленый выгон в Минине:
Дымки костров у шалашей
За фронтовою линией.

Июньский вечер тих и свеж,
Луна леском погашена.
И варят беженцы кулеш
У каждого шалашика.

И вот опять горят костры
Над Ядринкой и Зушею,
И терпкий дым иной поры
Заполоняет душу мне.

И вдруг поймешь на склоне дней,
Что с самого младенчества
И сладок он душе твоей,
И горек — дым Отечества!

ЛЕГЕНДА О КУКШЕ

То водой, то сушью,
Сквозь собачий лай
Пробирался Кукша
В вятический край.

— Киев-град стольный
Жалует сюда! —
Встретил хлебом-солью
Кукшу Борода.

Для такого гостя,
Расшибая лбы,
Брали на погосте
Белые грибы.

Кто-то с луком крался
К беличьей сосне.
Кто-то спешно мясо
Жарил на огне.

Был напиток бражный,
Было яств — не счесть.
Был великий праздник
В Кукшину честь.

Ну а Кукша мрачен,
Кукша удивлен.
— Вы меня дурачите? —
Обозлился он.

Гаркнул Кукша зычно,
Плюнул вниз с моста:
— Дьяволы, язычники,
Нет на вас креста!

Где же божье дело? —
Разъярился гость.—
Перебить всех белок?
Распахать погост?

Был тот окрик грозен,
Гневен и горяч.
Кто поклоны оземь,
Кто в истошный плач.

Горько иноверцам:
В чем их страшный грех?
Ведь они всем сердцем
Привечают всех.

— Что вы, черти, плачете? —
Рявкнул Борода.—
Не плошайте, вятичи!
Чуете: беда...

Где Сухая Зуша
Прорезает лес,
Проповедник Кукша
Под мостом исчез...

БАЛЛАДА О ТАТАРНИКЕ

Татары двигались ордою,
Нещадно грабили и жгли.
Вставали русичи стеною
За честь поруганной земли.

Был каждый почестей достоин,
Достоин славы и утех.
А все же оказался воин
Бесстрашней всех,
Сильнее всех!

Когда его стрела сразила,
Сказал над мертвым хан Батый:
— Дрались бы все с такою силой,
Как этот русский богатырь!

А через год на Красной Круче,
Где храбрый воин в землю лег,
Поднялся яростно колючий
Красноголовый стебелек.

И молчаливый и суровый,
Он возвышается в траве.
И проступают капли крови
На этой гордой голове.

Кичливый хан умчался вскоре,
А стебель тот, высок и строг,
Остался воином в дозоре
На пустырях и у дорог.

САМОРОД

Жили-были на Мецне
Мирные мецняне.
Жгли костер при луне
На большой поляне.

Полыхал в лесу костер
Высоко и рьяно.
Шел серьезный разговор
Против басурмана.

Доложил опять дозор,
Что из степи дикой
Надвигается разор
И полон великий.

Укрывался народ
От раскосой тучи
На горе Самород,
На высокой круче.

Наточили топоры,
Навострили стрелы,
Чтобы встретить у горы
Супостата смело.

Обложил Девлет-Гирей
В ночь глухую крепость.
Сон упрятал меж бровей
Лютую свирепость.

Был внезапен удар
Храброй мценской рати.
Потопил в реке татар
Воевода Татев.

Много лет кривился рот
У Девлет-Гирея:
— Кто о Мценске помянет,
Тот лишится шеи!

Лес шумел за рекой,
Грозный и дремучий.
Снова с юга над горой
Зависали тучи.

Разбивался вражий сброд,
Что валил веками,
О гору Самород,
О святые камни.

ПРЕДОК

Амчанина тебе во двор!
Старинная поговорка

Славился в округе
Давний предок мой
Бесшабашной руганью,
Удалью лихой.

Был неотразимо
Ловок и хитер.
Подводила сила —
Выручал топор.

Был он вороватый —
Близко не клади.
Жили цыганята
У него в груди.

Не сули амчанина
Никому вовек.
Предок был отчаянный,
Грешный человек.

Многого не требовал:
Шил, точал, ковал
И насущным хлебом
Бойко торговал.

Был кацап кацапом,
Бражничать любил,
Часто бабу цапал,
Во хмелю лупил.

Проживала шалость
У него в роду.

И купца, случалось,
Тряс за бороду.

Не сули амчанина
Никому вовек.
Предок был отчаянный,
Храбрый человек.

В древнем шлеме конника
Стлался над землей.
Соловья-разбойника
Усмирял с Ильей.

Верою и правдою
Он служил Москве.
Где-то за Непрядвою
Всыпал татарве.

Ни кромским, ни чернским
Спуску не давал,
Если кто амченских
Срамно обзывал.

Я и сам отчаянный,
Лучше не трави.
Что-то от амчанина
У меня в крови.

ГОРЬКИЙ КОРЕНЬ

В 1802 году помещик Я. С. Есипов и немец Е. И. Бланкеннагель построили в селе Алябьево сахарный завод — первый в России.

Залетел деляга немец
В эти русские края.
Размечтался чужеземец
У студеного ручья:

— Бог ты мой, какое чудо —
Эта свёкла у ракит:
Каждый корень больше пуда,
Сахарист и соковит!

Немец охал, немец ахал,
Чтоб соседа покорить:
— Из такой бы свеклы сахар
Удивительный варить!

Взволновался здешний барин.
Хлопнул немца по спине:
— За идею благодарен,
За компанию — вдвойне!

Так возник в красе и силе
Под алябьевской горой
Первый сахарный в России
И во всей земле — второй.

Только сахар тот варили
Для царя и для господ,
А в народе говорили:
— Сладок корень — горек пот!

Много лет корпела с тяпкой
В знойном поле у ручья,
Может, Фекла, может, Гапка —
Прапрабабушка моя.

И жила одна забота
У нее в худой груди:
Чтоб ни репки, ни осота —
Ни травинки позади.

Шла, босая, жесткой грядкой,
Забываясь, как во сне.
Проступал тот сахар сладкий
Белой солью на спине.

Вырастало в поле чудо,
Разметав дремучий лист:
Каждый корень больше пуда,
Соковит и сахарист.

И дымил в красе и силе
Под алябьевской горой
Первый сахарный в России
И во всей земле — второй.

ЗАТИШЬЕ

Памяти Х. П. Абрикосова

Речка ластится змейкой:
За изгибом изгиб.
А на взгорке аллейка
Зеленеющих лип.

Груши, сливы да вишни
Разноцветно пестрят.
Это хутор Затишье —
Абрикосовский сад.

Жил когда-то ученый
Тут, в сторонке от сел,
Горячо увлеченный
Приручением пчел.

Зря не мял их роевней,
Не дразнил дымарем.
Восседала царевной
Матка в улье своем.

Пчелы мирно кружились
У родного летка
И послушно садились
На ладонь старика.

Дружелюбно, радушно
Их встречал пчеловод:
— До чего же вы дружный,
Работящий народ!..

Речка вьется, как змейка:
За изгибом изгиб.

А на взгорке аллейка
Абрикосовских лип.

Снова сливы да вишни
Белопенно цветут,
А глухое Затишье
Погружается в гуд.

На поляне былинной,
В стороне от дорог,
Прописался пчелиный
Хлопотной городок.

В это жаркое время
Гул над пасекой шел:
Не теряется племя
Абрикосовских пчел.

И стараются пчелы
По науке его,
В суматохе веселой
Не забыв ничего.

* * *

Там, где Ядринка петляет,
Там, где вьется Студенец,
То гармошка зарыдает,
То запляшет бубенец.

Это верно:
Предки знали,
Как им праздники справлять,
Чем гасить свои печали,
Где им жажду утолять.

Ведь живет молва поныне,
Что из этого ручья
Пил Микула,
Пил Добрыня,
Причащался сам Илья.

Ключ студеный,
Ключ ядреный,
Ключ былинно-зоревой,
Я пришел к тебе с поклонной,
С побелевшей головой...

Там, где Ядринка дымится,
Где клубится Студенец,
Любо-мило причаститься,
Осушить до дна корец!

* * *

Порою грусть возьмет за душу,
Тоска навалится порой.
Я ухожу послушать Зушу
Под Карауловой горой.

А Зуша, вечно молодая,
Спешит за тридевять земель,
Себе дорогу пробивая
Через туман, через метель.

Печально развожу руками,
А Зуша, преданность храня,
Смывает камешки и камни,
Что были брошены в меня.

Любое горе смоет Зуша
Своей волною голубой.
И снова ударяет в душу
Невыразимых чувств прибой.

* * *

Я стою и слушаю
Рокот заводской.
Дым повис над Зушею
Сивой бородой.

Вдоль дорожной линии
Раздается вширь
Мценский алюминиевый,
Словно богатырь.

Зарастал малиной,
Под дождями дрог
Древний и былинный
Русский городок.

В синий омут канули
Эти времена.
Молодыми планами
Бредит старина.

Мне с тобою весело,
Мне легко с тобой,
Городок мой песенный,
Дымно-голубой.

Под твоими липами
Я любил и пел.
Под твоими липами
Рано поседел.

Мне до боли дороги
Кружева в окне,
Белый храм на взгорке,
Краны в вышине...

Стаи голубиные,
Липы в два ряда
И твоя былинная
Чудо-борода.

* * *

Позабыты старые,
Людные места:
Улица Амбарная,
Пристань у моста.

Не припомнят даже
Нынче старики,
Как на Зуше баржи
Тянут бурлаки.

Глохнут и скудеют
Зуша и Ока.
Только не мелеет
Хлебная река.

Русь на мценском хлебе
Поднималась ввысь.
Эти зерна в небе
Звездами зажглись.

Ни купца, ни барина,
Ни амбаров тут.
Именем Гагарина
Улицу зовут!

МАТЬ

Памяти Андрея Ревы,
командира 6-го Мценского полка

На перроне Мценского вокзала,
Затаив волненье и печаль,
Женщина нездешняя стояла
И в молчанье теребила шаль.

В незнакомый городок на Зуше
Занесло ее издалека:
Здесь когда-то жил ее Андрюша —
Легендарный командир полка.

Прошумело время грозовое,
Родина оправилась от ран.
Захотелось матери героя
Навестить его однополчан.

В чудеса не верила, старея,
Никогда не ожидала мать,
Что давно погибшего Андрея
Доведется снова увидать.

Шла седая женщина с вокзала
Улицею сына своего
И под каждой крышею встречала
Имя незабвенное его.

ЗЕМЛЯК

Памяти Н. А. Вознесенского

Светилась лагерная зона
Огнями желтых фонарей.
Лежал и бредил заключенный
Мечтами юности своей.

Совсем безвластный и бессильный
Развеять ложь и клевету,
Он верил в правый суд России,
В свою святую правоту.

Смертельно леденили душу,
Пытали верность и любовь
Сорокаградусная стужа,
Сорокаградусная боль.

Безумная жестокость века
Топтала преданность ногой.
Дымила трубка человека,
Как крематорий над тайгой.

Светилась лагерная зона
Огнями желтых фонарей.
Лежал и бредил заключенный
Далекой юностью своей.

А мне ночами часто-часто
Является в тревожном сне
Мальчишка, шустрый и лобастый,
Рожденный в нашей стороне.

А то село за белой рощей,
За синей дымкой полевой
Навек осталось первой строчкой
В его анкете роковой.

---

* Н. А. Вознесенский родился в с. Б. Теплое (ныне Мценского района Орловской области).

* * *

Я детскими наивными глазами
Глядел завороженно на портрет,
Где человек с колючими усами
Покуривает трубку много лет.

Тот человек, одетый в строгий китель,
Мне был дороже, чем отец родной.
Я, несмышленый, ничего не видел,
Что у отца творилось за спиной.

Еще не скоро слезет он со стенки,
Когда дойдет до моего ума,
Что были за спиной его застенки,
Этапы, Магадан и Колыма.

Я ничего не знал о страшном горе
И не сводил с него влюбленных глаз.
Мы в детстве все переболели корью
И вряд ли заболеем еще раз.

* * *

Люди носят ожоги
До могильной доски,
Потому что не боги
Обжигают горшки.

Люди носят ожоги
На руках, на губах.
Жгучий ветер эпохи
Застревает в сердцах.

Люди носят ожоги
От обид и разлук.
От недоброй дороги
И неласковых рук.

Люди носят ожоги
От огня и сурьмы,
Потому что не боги —
Обжигаемся мы!

* * *

Все смешается во мгле —
Быль и небыль.
Жил и не жил на земле,
Был и не был.

Если пылко не любил,
Страсть не ведал,
Значит, юность загубил,
Душу предал.

Если жил среди людей
Одиночкой.
Значит, был для них ничей,
Мертвой почкой.

Если кровь и лебеду
Не отринул,
Значит, общую беду
Сердцем принял.

Если доброе зерно
В жизни сеял,
Значит, в мире заодно
Был со всеми.

Если спутники во мгле
Нам светили,
Значит — жили на земле,
Значит — были!

ЗАПОВЕДЬ

Скажут:
— Самый красивый! —
Улыбнись и поверь:
Не красивый, а сивый —
Это модно теперь!

Скажут:
— Мудрый из мудрых! —
Ну, а ты не мудри:
Станешь ясным, как утро
На исходе зари.

Скажут:
— Главный из главных! —
Станут шапку ломать:
Это очень забавно,
Постарайся понять.

Скажут:
— Лучший из лучших! —
Станут медью греметь:
Ради бога, голубчик,
Не спеши захмелеть.

Тех, что дружно шумели,
Не найдешь никого:
Будет горьким похмелье
Для тебя одного!

* * *

Уже, наверно, четверть века
Гляжу в окно из-за стола:
Напротив — старая аптека,
За ней — Никитской купола.

А там сады и огороды
В кругу высоких тополей.
А там старинные ворота
И краеведческий музей.

А там за каждою избою
Жила история сама.
Да заслонили все собою
Многоэтажные дома.

Потянет дымом из-за речки,
И по земле такой туман,
Что не отыщешь днем со свечкой
Исконных в городе амчан.

Другие дни, другие люди,
Другой напев и красота.
А у меня все те же будни —
Звонки, бумаги, суета.

Уже, наверно, четверть века
Гляжу в окно из-за стола.
Как много надо человеку,
Как жизнь огромна и мала!

* * *

В семью рабочую зачислена,
Нагрянет в парк в субботний день
Братва из Теплого и Кислино
И прочих дальних деревень.

Сойдясь за доброй кружкой пива,
Припоминают земляки
И деревенские мотивы,
И родословные пеньки.

И словно в давней деревушке,
Где был бедовый пятачок,
По вечерам звенят частушки
И каблучок о каблучок.

Еще живет обычай древний
И прошлых дней не стерся след.
В любом подъезде тут деревня
И в каждом доме — сельсовет.

И вовсе не беда, что ныне
У них особая страда:
Ребята плавят алюминий
И бьют рекорды иногда.

Их не балуют шибко славой,
Но дружно верят в их успех
И вся рабочая держава,
И боевой плавильный цех.

* * *

Скоро вьюга запенится
У садовых оград.
А пока на Тургеневской
Озорной листопад.

Листья весело кружатся
У людей на виду,
Оседая на лужицы,
На дорожки в саду.

Небо дышит прохладою,
Дождь стучит по плащу.
Ни на что не досадую,
Лишь украдкой грущу.

Где ты, вешняя звончатость,
Переливчатый смех?
Вот и молодость кончилась,
Скоро выпадет снег.

Скоро все запорошится:
И кусты, и трава,
И сырые дорожки,
И моя голова.

Скоро вьюга запенится
У садовых оград.
А пока на Тургеневской
Золотой листопад.

ЖУРАВЛЕНОК

Николаю Старшинову

Отстал от стаи журавленок,
Присел на Бежином лугу
Среди кустов его зеленых,
Столпившихся на берегу.

Я головой ему киваю,
А он не хочет улетать.
Видать, он сам покинул стаю,
Своих товарищей и мать.

Печально крыльями качая,
Трубили в небе журавли
И, журавленка окликая,
Никак дозваться не могли.

Ах, несмышленый, несмышленый,
Не миновать тебе беды.
А он стоит, завороженный,
У голубеющей воды.

Ну что же, дорогой, ну что же,
Рискуй во имя красоты.
Я сам с чудачествами тоже,
Я сам дурашливый, как ты.

ЧУДАК

Городок,
Сиренью запорошенный,
Я вернусь когда-нибудь опять,
Чтоб, как в детстве,
Голыми подошвами
Твой асфальт шершавый целовать.

Может статься:
Опьяненно-трезвый,
По дождю, по лужам, прямиком,
Побреду по улице известной —
Да при всем народе! —
Босиком.

Буду тихо плакать и смеяться,
Позабыв, что — можно, что — нельзя.
Недруги подпрыгнут от злорадства,
Схватятся за голову друзья.

Отрешенный и непогрешимый,
Буду шатко уходить вперед.
Чья-нибудь знакомая машина
Чудака в дороге подберет.

Я еще до дома не доеду,
А повсюду разнесется слух.
Позовет в больницу на бсседу
Мой давнишний ученик и друг.

Я приду,
Скажу ему:
— Сережа,
Самый золотой из докторов,

Понапрасну ты меня тревожишь:
Я вполне нормален и здоров.

Мне бы обезуметь в самом деле
От житейской смуты и обид.
Да не время, брат, для канители
Да мужская гордость не велит.

Просто в жизни многое не спелось,
Что уже не спеть и не сыграть.
Оттого, как в детстве, захотелось
Пятками асфальт поцеловать.

Ничего со мною не случится
В грустном одиночестве моем.
Может, только матери приснится
Босоногий мальчик под дождем.

ИМЯ

Ивану Панькину

В нашей жизни всякое бывает.
Не грусти и не печалься, брат,
Что теперь все реже называют
Этим тихим именем ребят.

Не пропойцы мы и не пройдохи,
Ничего от мира не таим.
На виду разборчивой эпохи
С воротом распахнутым стоим.

Это злые люди рассудили,
Что душевность хуже воровства,
Что Иваны — это простофили
И не помнят своего родства.

Нас лишали имени и отчеств,
Сказок наплели и небылиц.
Сколько было всяческих пророчеств —
Никакие бредни не сбылись!

Сосчитай-ка,
Сколько за Россию
Полегло ее богатырей.
Это имя горько оросили
Слезы скорбных жен и матерей.

Недруги забыли почему-то,
Что Иван в царевичах ходил,
Что его в тяжелую минуту
Даже серый волк не подводил.

Ну а в жизни
Всякое бывает.
Не грусти и не печалься, брат,
Что теперь все реже называют
Этим славным именем ребят.

* * *

В Дубках,
Да в Лужках,
Да в Скородинке
Смешно нам о славе вздыхать.
Узнали бы только на родине,
А где-то успеют узнать.

А здесь-то в года завирухи
Протопали мы босиком.
Я с детства во мценской округе
С любой деревенькой знаком.

Я в дружбе с любой луговиной,
Приятель для каждой тропы:
Сорочий зовет по малину,
Осинковец — по грибы.

Взойду на лесную опушку,
Присяду в тени у куста,—
Знакомая с детства кукушка
Желает не менее ста.

Здесь даже зверье и пичуги
Считают меня земляком.
Ах, с кем не знаком я в округе?
С любою собакой знаком.

Бывает, конечно, бывает:
В какой-то неласковый час
Звягливая Моська облает,
Но Тузик мне лапу подаст.

В Дубках,
Да в Лужках,

Да в Скородинке
Смешно нам о славе вздыхать.
Признали бы только на родине,
А где-то успеют признать.

БЕЖИН ЛУГ

Николаю Брауну

Все та же даль,
Все то же поле,
Все той же речки полукруг.
Душа заходится от боли,
Когда увижу Бежин луг.

Все так же светится в тумане
Среди дубов, среди ракит
Костер моих воспоминаний,
Моих негаснущих обид.

Мой друг веселый и угрюмый,
Я завернул опять к тебе,
Чтоб поделиться горькой думой
О неустроенной судьбе.

Прости, что выслушать заставил,
Что запоздалый гимн пою,
Что безрассудно тут оставил
Любовь и молодость свою.

Давай-ка лучше вспомним снова
Среди житейских грустных дел
Того, кто нежно и сурово
Тебя прославил и воспел.

Горит и светится в тумане
Над ворохом обид и ссор
Костер иных воспоминаний —
Святой тургеневский костер.

* * *

Мне памятна каждая веха,
Любой перелесок и куст,
Где бродит певучее эхо
Тургеневских мыслей и чувств.

А эхо, забыв о дорожках —
Лесных, полевых, луговых,—
Плутает повсюду на дрожках,
На дрожках его беговых.

* * *

Городок — столица захолустья —
Задремал у зушских берегов.
Веяло сиреневою грустью
От его задумчивых садов.

Как об этой прелести расскажешь?
Человек дивился и молчал:
Видел он чудеснее пейзажи,
А роднее этих не встречал.

* * *

Гляделись звезды робко в Снежедь,
Дремали кони на лугу.
Всю ночь, распугивая леших,
Горел костер на берегу.

Струился дым белесой лентой
И уплывал по сторонам.
Ребячьи сказки и легенды
Мешались с дымом пополам.

А у костра, поджав колени,
Не опуская добрых глаз,
Сидел задумчивый Тургенев
И слушал будущий рассказ.

* * *

Человек остановился в поле,
Приподнялся робко на носки:
Пробивало из земли на волю
Чудо-слово нежные ростки.

Холода его не заморозили,
Не убили критики браня.
С той поры в поэзии и прозе
Засверкало слово «зеленя».

* * *

У этой старины ракитовой,
У этих сел, у этих рек
Бродил охотник знаменитый,
Большой и добрый человек.

Он слушал шепот камышовый,
Прицеливался в дичь озер.
А выстрелил суровым словом
Людской жестокости в упор.

* * *

Я останавливаюсь снова
У старых лип и тополей.
Здесь дома барского подкова
Была неволей для людей.

Метался стон в округе спасской
И растворялся без следа.
Лишь несмываемою краской
Цветы сгорали от стыда.

* * *

Никак найти не удается,
Никак приметить не могу
У Варнавицкого колодца
Следы легенды на лугу.

А я брожу, забыв усталость,
Чтоб этот миг запечатлеть.
Над Спасским молния взвивалась,
Как лутовиновская плеть.

* * *

Прикрыв колени легкой шалью,
Тяжелых не смыкая век,
Тоской терзался в Буживале
Больной, усталый человек.

Недугом скованное тело
Не ощущало ничего.
А сердце ласточкой летело
В родное Спасское его.

* * *

Хрустели под ногами тени,
И уползал в луга туман.
Спешил сюда Иван Тургенев
И вновь садился за роман.

И снова пылко спорил Рудин
О смысле жизни и борьбы.
И был тот спор горяч и труден
И распирал обоим лбы.

А липы слушали в печали
Довольно странный разговор
И лишь макушками качали —
И так качают до сих пор!

Струится свет ветвисто-ломкий,
И под зеленый шум и скрип
Стоят и слушают потомки
Воспоминанья старых лип.

Теперь спешит сюда полсвета,
И вот уж более ста лет,
Как продолжается беседа,
И окончанья спору нет!

* * *

В Спасском парке
Нежный свет струится,
Соловьи без умолку поют.
Дубу-великану поклониться
Малые и старые идут.

Шествует под светлыми верхушками
Добрая читательская рать.
Сколько ни старается кукушка,
А никак не может сосчитать!

* * *

Пролетают годы вереницей
Над его чубатой головой,
И садятся тучи, словно птицы,
На развилки кроны вековой.

Я невольно голову склоняю,
Тронутый величием его,
И по-русски трижды обнимаю
Старого знакомца своего.

* * *

Запалили мальчишки
Среди луга костер.
Шаловливые вспышки
Озарили простор.

Захлестнули округу
Золотые лучи.
Сердце Бежина луга
Запылало в ночи.

Бушевали метели,
Поливал проливной.
Дни и годы летели
Над родной стороной.

Стал иными делами
Старый луг знаменит.
А костер вечерами
Еще жарче горит.

Ребятишки в ударе —
Размечтаются вслух:
— Вот бы Юрий Гагарин
Приземлился на луг!

Голоса замирают,
Улетая во мрак.
А костер полыхает,
Как посадочный знак.

* * *

Памяти А. А. Фета

Ушел певец природы
От суеты мирской.
Клейменовские своды
Хранят его покой.

Я — сын другой эпохи,
Но в гробовой тиши
Невольно слышу вздохи
Лирической души.

* * *

Опять в усадьбе Фета
Вздыхают соловьи,
Что бедному поэту
Не повезло в любви.

Святая невезучесть!
Ей надо дорожить,
Чтоб, радуясь и мучась,
На белом свете жить.

Без этих мук и страсти,
Ошибок и грехов
Мир не познал бы власти
Пленительных стихов.

Поэты плавят в радость
Свою печаль и боль,
Всю жизнь душевно тратясь
На вечную любовь.

Пусть в этот вечер летний
Напомнят соловьи,
Что нет любви последней
И первой нет любви...

* * *

В. Катанову

Я тону в житейском море,
Допекли меня дела.
В каждом споре,
В каждой ссоре
Раскаляюсь добела.

Превращаюсь в чумового,
Невменяемым кажусь.
С полувзгляда,
С полуслова,
С полувзмаха завожусь.

Ну а друг махнет рукою
И уложит наповал:
— Это самое такое,
Без чего бы ты пропал!

Утверждал же захмелевши
Знаменитый лирик Фет:
— Если ты не сумасшедший,
То какой же ты поэт?

* * *

В конце весны,
В начале лета
В погожий день,
В ненастный день
Цветет сирень в усадьбе Фета,
Цветет в Козюлькино сирень.

Сюда отчаянный и сирый,
С кругами синими у глаз,
Пришел герой «Войны и мира»
За исцеленьем в тяжкий час.

Он шел сиреневой аллеей,
Вдыхал сиреневый настой,
И становилась жизнь светлее —
Такой понятной и простой.

Когда бывает нелегко мне,
Когда на сердце ляжет тень,
Я говорю: живи и помни —
Цветет в Козюлькино сирень!

* * *

Тревожно и устало
Приподымалась грудь.
Как лезвие кинжала,
Блестел кремнистый путь.

О смерти неизбежной
Ворчал сердито гром.
Поэт по-братски нежно
Прощался с Машуком.

Сегодня бунт сердечный
Ему не превозмочь.
Тянулась бесконечно
Мучительная ночь.

У самого порога
Блестел кремнистый путь,
Кремнистая дорога,
Нацеленная в грудь.

* * *

Года, как заросли, раздвинув,
Я подглядел издалека:
В поэта целится Мартынов
На дальнем склоне Машука.

В порыве гнева с ярой силой
Гроза обрушилась на лес.
На весь Кавказ, на всю Россию
Заржал в отчаянье Черкес.

С тех пор о многом позабыто,
Другой к закату век идет.
А конь все так же бьет копытом,
А конь все так же скорбно ржет...

* * *

Ни в Солотче, ни в Криуше —
Я нигде не встретил той,
Что ему запала в душу,
Покорила красотой.

Только я уверен, право,
Что была голуба та:
И мечта, и смерть-отрава,
Боль его и маета.

Он с улыбкой и слезами
Будет помнить в стынь и звень
Любу с дивными косами
И глазами — голубень.

Забулдыжистый и шалый,
Он, как совесть, пронесет
Через славу и скандалы
Затаенный образ тот.

Пронесет сквозь все печали,
Через вымысел любой,
А голубу эту звали
Просто-напросто Любовь.

* * *

Я вернусь домой не скоро,
Может статься, в сентябре.
Завлекла меня Мещера
На далекой речке Пре.

Я плыву рассветной ранью
В шумном шелесте берез:
То отчаянно табаню,
То кричу ребятам: — СОС!

Я не хуже, чем варяги,
И плыву, и волоку,
Через мели и коряги
Пробиваясь на Оку.

Я встречаю повороты,
Лихо веслами гребя,
И мещерские красоты
Величаю про себя.

Разволнован и рассеян,
Я смотрю на Пру в тоске:
Здесь барахтался Есенин
И валялся на песке.

То несмело, то отважно
Я гляжусь в речную гладь
И почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

* * *

Памяти А. Т. Твардовского

Бывал ли ты в Дорогобуже?
А я, как двадцать лет назад,
Воспоминаньями разбужен,
Варю картошку для ребят.

Друзья за месяц досыпали
В худом прибрежном шалаше.
Плоты качались на причале,
Плескалась щука в камыше.

Душа избавилась от боли
В дыму походного костра.
Я оказался на приколе
В слиянье Осьмы и Днепра.

Я буду вечно благодарен
Судьбе за радость этих дней.
Ах, почему ты, тетка Дарья,
Не стала тещею моей?

Тот городок поныне снится,
Поныне снятся те леса.
Нет-нет, сквозь память медуница
Заглянет ласково в глаза.

Поманит дикая смородина
На берега смоленских рек.
Твоя задумчивая родина
Мне стала милою навек.

Бывал ли ты в Дорогобуже,
У этих рек, у старых свай?
Я снова, памятью разбужен,
Благословляю этот край.

* * *

При виде строк и строф крученых
Меня охватывает злость:
О, сколько их, котов ученых,
На этом свете развелось!

Поройся в книгах и журналах,
Библиотекаря спроси:
О, сколько белок и русалок
На поэтической Руси!

Я так люблю весну и осень
За необычную красу:
О, сколько их, берез и сосен,
Поэзия, в твоем лесу!

И лишь шумит могучей кроной,
Корнями уходя в века,
У лукоморья дуб зеленый,
Один-единственный пока.

И все леса благоговеют
Перед его резным листом.
И никогда не заржавеет
Златая цепь на дубе том.

И все мы не похожи вроде
Своей судьбой ни на кого,
И все поныне ходим-бродим
На той цепи вокруг него.

БАЛЛАДА О ВЕРНОСТИ

Дома от боли охали,
Как люди на войне.
Враги палили в Гоголя,
Толстого жгли в огне.

Надев стальные каски,
Винтовку взяв с собой,
За Русь вставали классики
И принимали бой.

В одной большой лавине
Они в атаку шли.
Их танками давили
И пулями секли.

Им отрывало руки
Осколками брони.
А им плевать на муки —
Бессмертные они!

Взглянув на мир сурово,
Смахнув святую кровь,
Они вставали снова
И шли в атаку вновь.

Бесстрашные такие
Ломились напролом
Под Харьковом и Киевом,
Под Курском и Орлом.

Хранили беспримерно
В пороховом дыму

Классическую верность
Народу своему.

Победу шумно празднуя,
Пришли они домой,
Хорошие и разные,
С завидною судьбой.

Стальные сбросив каски,
Пробитые в бою,
На полки стали классики
В порядковом строю.

* * *

Я в это слово верю свято,
Горжусь и радуюсь душой,
Что слово русское крылатое
Летит орбитою большой.

Никто не вправе и не в силе
Остановить его полет.
Теперь считаются с Россией
И даже воздают почет.

Все больше в мире понимают
Мою загадочную Русь.
По-русски Пушкина читают
И даже учат наизусть.

По-русски борются и строят,
По-русски пляшут и поют
И даже русским матом кроют,
Когда свободы не дают.

Легли на все земные точки,
На все моря и острова
Меридианы, словно строчки,
Где пишут русские слова.

* * *

Легли налево и направо
Моей поэзии края.
Есть у меня своя держава,
Хоть маленькая, да своя.

Ее граница вьется сушей,
Петляет от реки к реке,
Пройдя по Снежеди и Зуше,
Красивой Мече и Оке.

Земля Тургенева и Фета
Известна далеко вокруг.
Тепло поэтами воспета
Моя столица Бежин луг.

Вы не найдете в целом мире
Таких лесов, таких полей,
Такой бездонно-синей шири
С прощальным криком журавлей.

Душа невольно замирает,
И радость светится в глазах:
Опять рябина полыхает
В осенних трепетных лучах.

Благослови меня как сына
На честный труд и честный бой,
Моя багряная рябина,
Моя надежда и любовь.

СВЕТ

Эле

Знакомых дорог перекрестки,
Заливчатый звон бубенца...
Березки, березки, березки —
От Спешнева до Студенца.

Пойду по лесам спозаранку,
Увижу в рассветную рань
Берещино и Берестянку,
Березовку и Березань.

Я стану на древнем кургане,
Стою и гляжу не дыша:
От этих веселых названий
Невольно светлеет душа.

Знакомых дорог перекрестки,
Заливчатый звон бубенца...
Шумят над Россией березки —
И полнятся светом сердца.

* * *

Я отправлялся в путь-дорогу
При свете солнечного дня,
И тень шагала долго в ногу
Не отрываясь от меня.

Я шел и шел своей тропою,
И становилось все ясней:
Чем выше солнце надо мною,
Тем тень короче и темней.

Горячей радостью наполнен,
Я мудрость жизни познаю,
А сам шагаю в знойный полдень
И подминаю тень свою.

* * *

Анне Емельяновне,
моей матери

Теперь у нас в Гудиловке
Сугробы выше крыш,
И ты на той развилке,
Печальная, стоишь.

Теперь у нас на Снежеди
Метель, метель, метель.
И, вспоминая прежнее,
Надрывно стонет ель.

Теперь у нас на Мценщине
Снега, снега, снега.
И маленькая женщина
До боли дорога.

Теперь у нас в Орловии
Мороз, мороз, мороз.
И я сдвигаю брови
И не скрываю слез.

Теперь у нас в России
Зима, зима, зима.
И я от ностальгии
Во сне схожу с ума.

* * *

Мать присела на порог
У сухой завалинки.
Я стою у самых ног,
Щупленький и маленький.

Мать смеется:
— Ну пошел,
Славный мой, хорошенький!
Не цепляйся за подол —
Пробуй, пробуй ноженьки.

Ты смотри, народ, смотри
На мальчонку смелого.
Раз, два, три.
Раз, два, три...
Я полшага делаю.

— Раз, два, три.
Раз, два, три.
Раз, два, три — четыре...
Я пускаю пузыри:
На ногах — по гире.

Я ступаю и качаюсь,
Что былинка тонкая,
И на воздух опираюсь
Хрупкими ручонками.

Я ступаю целиною,
Напрягаю силушки,
И как будто за спиною
Зачесались крылышки...

* * *

Скрипел январь полозьями,
Похрустывал снежок.
А в закутке молозиво
Смешно цедил Дружок.

И я теленка лапаю
И гордо признаюсь:
— Смотри, какие лапотки
Мне подарил дедусь!

Теленок пол за печкою
Копытцами дробил.
И кто из нас беспечнее,
И кто счастливей был?

Опять январь полозьями
По улице скрипит,
И где-то в снежной роздыми
Далекий звон копыт...

* * *

Помню:
Дед, худ и сед,
Зашумит с полатей:
— Дай-ка, мать, соломать,
Соломати!

Дай-ка, мать, соломать,
Чтоб взыграла сила:
Чтобы сеять, чтобы жать
Любо-мило было.

Хлебный дух, русский дух
Плыл по хате
От парной, заварной
Соломати.

Деда нет, бабки нет —
Горькая утрата.
Да хранится секрет
Соломати.

Попрошу родную мать,
Вспомнив детство:
— Дай-ка, мать, соломать —
Дедовское средство.

Дай-ка, мать, соломать,
Чтоб взыграла сила:
Чтобы сеять, чтобы жать
Любо-мило было!

* * *

Говорят, моя бабуся
Колдовала по ночам.
Кто не верит, побожуся:
Сам нередко замечал.

Право слово, ворожила
На огне и на воде.
Даже с ведьмами дружила
В лопухах и лебеде.

Бабка Бога разумела,
С чертом в сговоре была.
Очень многое умела,
Очень многое могла.

Все могла: и жать, и жарить,
И недужить, и лечить.
И могла навечно спарить,
И навечно разлучить.

Бабка знала заговоры,
Может, сорок, может, сто:
От измены, от позора,
От бессонницы простой.

Это правда, это правда,
Что любила, да тайком
Пошептаться с доброй травкой,
Корешком или цветком.

И про внука не забыла,
И досталось даже мне,
И меня приворотила
С детства к отчей стороне.

* * *

Я слышу говор кос и грабель,
Ползущий шорох волокуш.
Я в детстве сам косил и скрабил,
Хоть был коряв и неуклюж.

Опять пообнажили спину
Мои пригорки и луга.
Метает добрая машина
Цветы и запахи в стога.

И я беру в охапку лето,
Беру в охапку целый луг,
И у меня от ноши этой
В груди захватывает дух.

* * *

Окидываю мысленно
Лощины и леса.
От Жилино до Кислино
Всего-то два часа.

Дорога, чай, наезжена,
Глядишь, да повезет.
А все-таки по-прежнему
Под ложечкой сосет.

У матери хвороба,
А батя — тоже скис.
Деревья гневно ропщут
Сквозь снежный пересвист.

Завьюжило, завьюжило —
Ни колеи, ни звезд.
А мне протопать нужно
Еще десяток верст.

Хлестает ветер плетью,
Захватывает дух.
И огонек последний
За ветками потух.

Заледенели руки,
Совсем не чую ног.
Неторопливо стукаю
Ботинком о порог.

Мать, стряхивая дрему,
Опять корит меня:
— Видать, совсем от дома
Отбился, бродяжня!

Я зябко руки прячу
И хохочу сквозь боль.
И лишь ботинки плачут
На деревянный пол...

* * *

Пошлю красивую открытку
И пожелаю славно жить.
А мать присядет под ракитку
И станет снова ворожить.

На сердце — давняя тревога,
И карты подтвердят о том,
Что сына дальняя дорога
Опять ведет в казенный дом.

Заноют старенькие кости,
Глаза замутятся от слез:
«А говорил, что скоро в гости?
А обещался на покос?»

Эх, хороша трава в овраге,
Теперь от думок не засну.
Пойду-ка дедовы рубахи
Пока на речке сполосну.

Валек попробует руками,
Вздохнет, что стал тяжеловат.
И ну лупить замшелый камень,
Как будто камень виноват!

* * *

Вернусь из странствий в сентябре
В свой край туманно-синий.
Остановлюсь на пустыре,
Нарву пучок полыни.

Начну сбивать седую пыль
С ботинок узконосых.
А чтобы ветер не знобил,
Достану папиросу.

Я погляжу на ближний лес,
Вздохну светло и глухо.
«Видать, наводит Ванька блеск?» —
Подумает старуха.

А я-то пыль чужих дорог
Старательно сметаю,
Ступив с волненьем на порог
Отеческого края.

* * *

Я опять, усталый и счастливый,
В отчем доме завершаю путь.
Мокрой веткой старенькая ива
Тычется мне в грудь.

Снова в знак душевного привета,
В честь веселой встречи земляка
Поднесет мне медовухи лето
В чашечке цветка:

— Будь здоров и голову не вешай,
Перестань о прошлом горевать! —
Я уйду под вечер захмелевший
В поле зоревать.

Хочется мне полем надышаться,
Надышаться лугом и рекой,
Чтобы снова в песне отозваться
Доброю строкой.

МАТИЦА

Вновь в душе сумятица
Прожитого дня.
Мама, мамка, матица,
Успокой меня.

Дай мне разумения,
Мужества и сил,
А еще терпения,
Чтобы гордо жил.

Ты в далеком детстве,
В самый горький час
От невзгод и бедствий
Укрывала нас.

Ты всегда казалась
Самой сильной мне:
Вся изба держалась
На твоей спине.

Нерушима крыша,
Прочен потолок.
Все прямей и выше
Голубой дымок.

Отойдет сумятица
В дедовской избе.
Мама, мамка, матица,
Кланяюсь тебе.

* * *

Снежный ветер ударялся в пляску,
Голосила вьюга за селом.
Бабушка рассказывала сказку
Про колдунью с длинным помелом.

Сыпала мудреные словечки,
Седенькой мотала головой.
А в трубе над закопченной печкой
Завывал сердито домовой.

Я сжимался в ужасе от страха
В маленький, упружистый комок.
Трепыхалось сердце под рубахой,
Словно сетью пойманный щурок.

С той поры немало прошумело
Над родимой деревушкой вьюг,
А порою пробежит по телу
Беспричинный трепет и испуг.

Что скрывать — печальная развязка:
Бабушка давным-давно в земле.
А за нею ускакала сказка
От меня на длинном помеле.

* * *

Я пойду ромашковой дорожкой
В тишину лужаек и полян,
Где живет в бревенчатой сторожке
Добрый и лукавый старикан.

Он печально встретит у порога,
Скорбно сложит руки на груди
И прикрикнет безобидно-строго:
— Заходи, пропащий, заходи!

Сколько лет не сиживал с тобою.
Где бродяжил? Честно отвечай.
Будет пахнуть водка зверобоем
И душицей с земляникой чай.

Все представлю явственно и зримо,
Расскажу про жизнь и про людей.
— Боже мой, да ты неисправимый
И чудной, как дуб без желудей!

Я и сам кукую в одиночку
И блуждаю по лесу до звезд.
Собираюсь — вот приедет дочка —
Забежать к старухе на погост.

Обниму до хруста седоглавого:
— Будь здоров! Живи не унывай
И свою зеленую державу
Никому в обиду не давай.

Я березку дерну за сережку,
Почешу за ухом у дубка
И светло потопаю дорожкой
В детство от избушки лесника.

* * *

Я его узрел еще мальчишкой
Под березкой, на высоком пне,
Потому сторожевою вышкой
Показался муравейник мне.

Разрослась, раскинулась береза,
Разметала ветви до земли.
Только от ветров и от мороза
По коре морщины залегли.

Старая, а все же хорошеет,
Лишь береста кажется в крови.
По морщинам, словно по траншеям,
Носятся цепочкой муравьи.

Видно, любят рыжие такую,
Видно, им березка дорога,
Потому они и атакуют
Всякого коварного врага.

Вот один
Схватил загнивший прутик,
А вот этот, поборовший жуть,
Бросился под гусеницу грудью
И к березке преградил ей путь.

Муравей — он тоже не без риска
Защищает, строит и творит.
Как звезда на скромном обелиске,
На вершинке ягода горит.

* * *

Может быть,
Это было на Орлике,
Может быть,
На раздольной Оке:
Ворковали таинственно горлинки
В заповедном лесном уголке.

А в зеленом шатре под дубами
Торговал на пеньках лесовой
Земляникой, малиной, грибами,
Корешками и божьей травой.

Здесь без риска
Ни конный, ни пеший
По чащобе пройти не могли.
Здесь водились угрюмые лешие
И ревниво покой стерегли.

Здесь душа
Замирала при шорохе,
Ликовала при виде чудес.
Да нагрянули лютые вороги —
Загубили и сказку и лес.

* * *

Приеду — разобью палатку
В своем заброшенном саду.
Засну мечтательно и сладко,
Как на семнадцатом году.

Меня невольно опечалит,
Что я тут вроде чужака:
Татарник колет, пчелы жалят,
Крапива жжет исподтишка.

Нежданно ветер встрепенется,
Босой промчится по траве,
И с ветки яблоко сорвется
И угодит по голове.

Ну кто их на меня наводит?
Ну кто натравливает их?
Не домовой ли рядом бродит
Вот в этих зарослях густых?

Я грустным взглядом сад окину
И вдруг сквозь сетку купырей
Увижу дедовы морщины
У старых яблонь на коре.

* * *

Провожая в дальнюю дорогу,
За разлуку ласково браня,
Дед Илья пророчил у порога,
По плечу похлопывал меня:

— Чует сердце:
Станешь важной птицей,
Будешь на машине разъезжать.
Приживешься, голубарь, в столице
И забудешь, как косу держать...

Дед Илюха,
Выдумщик плешивый,
Знаешь, и до нынешнего дня
Ни жены, ни дачи, ни машины —
Ничего такого у меня!..

А бумагу — порчу!
Что бумага?
Сколько можно душу обнажать?
Разнесет какой-нибудь деляга,
Что без шапки хочется бежать.

Слава богу, что у нас с тобою
Есть надежный на земле приют,
Где бесплатно молоком напоят,
Но сметану даром не дают.

Значит, надо хлопотать по дому,
Тяпать свеклу и косить траву.
Это мне приятно и знакомо,
И, глядишь, до славы доживу!

Заявлюсь в какое-нибудь утро
И котомку сброшу на порог:
— Дед Илья,
Всевидящий и мудрый,
А ведь ты действительно пророк!

* * *

Я снова вернулся на родину,
В страну босоногого детства.
Шумливая стайка осинок
Встречает у речки меня:

«Мы долго тебя ожидали,
Нам очень хотелось увидеть
Того, кто далекой весною
Заботливо нас посадил.

Живем мы светло и просторно,
Никто нас не рубит бездумно,
Никто нам ветвей не ломает,
Не трогает наших корней.

Нас поит студеная речка
Своею живою водою,
И доброе, щедрое солнце
Своим согревает теплом.

Под небом высоким и ясным
Взошли озорные побеги.
Веселое шумное племя
Привольно вокруг разрослось.

Прими же от нас в благодарность
Вот эту корзину с грибами.
Наверное, этот подарок
Обрадует очень тебя».

«Спасибо, родные, спасибо
За ваше приветное слово,
За вашу зеленую память,
За эти дары и любовь.

Я снова от вас уезжаю.
Я с вами прощаюсь без грусти.
Приятно, светло и спокойно
Сейчас у меня на душе».

Деревья помашут ветвями.
Умчится автобус вечерний.
Уеду и снова забуду
О них в городской суете.

Но вот заплутавшийся ветер
Ко мне донесет издалека
Тревожный, волнующий шелест,
Знакомый осиновый шум.

Я весь встрепенусь в ожиданье
И вдруг догадаюсь невольно,
Что славная стайка осинок
Взгрустнула опять обо мне.

Мне станет тепло и уютно.
Я снова себя утешаю:
Живи, не горюй и не думай,
Что ты на земле одинок!

КОСА

Зеленка нежится в омете,
Трава духмянится в стогу.
Висит коса на перемете,
Грустит о зорях на лугу.

Коса грустит о луговине,
Где раньше барыней была.
Да там вершит косилка ныне
Свои законные дела.

А было время — было, было! —
Минули эти времена,
Когда коса народ кормила,
Как плуг, соха и борона.

Другое время и заботы,
А все равно, а все равно
Коса не может без работы,
Хотя на пенсии давно.

Пока у леса есть опушка,
Пока у речки — берега,
Не заржавеет и старушка
И будет людям дорога!

КУЗНЕЦ

На всю округу знаменитый,
Творил он в кузне чудеса.
А тут, смущенный и сердитый,
Отводит в сторону глаза.

— Да вроде должность устарела,
А все идут и едут все.
Вот потому — известно дело —
Кручусь, как белка в колесе.

Я вижу сам:
Вздыхают бабки,
Ломают шапки мужики,
Вручая парню косы, тяпки,
Клевцы, лопаты, сошники...

На всю округу знаменитый,
Творит парняга чудеса.
У кузнеца своя орбита —
Железный обруч колеса!

* * *

Это не богатство,
Незачем беречь:
Выбросим из хаты
Старую печь.

Ни к чему загнетка,
Дежка и рогач:
На плите — котлетка,
На плите — калач.

Лучше — на задворки
Бабкин мавзолей:
Без него просторней,
Без него светлей.

Спрыснули усталость:
— Ну, давай пляши!
А изба осталась
Словно без души.

* * *

Ниже, ниже, ниже
Ночь над головой.
Ходит гром по крыше,
Словно домовой.

Час от часу ветер
Злее и грубей.
Завывает ветер,
Словно черт, в трубе.

Слышу поневоле
Странный шум и щелк.
Это через поле
Скачет серый волк.

Это снова сказка
Постучалась в дверь.
Можно без опаски
Досыпать теперь.

* * *

Попекушки, попекушки —
Доброй бабушки дары.
Снова в дежке у старушки
Бродит тесто до поры.

Завтра вылетят из хаты,
Взмоют ввысь до облаков
Расписные жаворята —
Целых сорок сороков.

Поглядит бабуся слепо,
Рассмеется у ворот:
— Улетают прямо в небо —
Залетают прямо в рот!

* * *

Был в народе славен,
Славен через край:
По-славянски — травень,
А по-русски — май.

Теплый дождик в мае
Хлопотлив и спор:
Травы подымает,
Тянет за вихор.

Помню в час закатный
Бабушку свою:
— Самый благодатный
Дождичек в маю!

Помню ту беседу —
Дед сказал соседу:
— Коль посеешь в грязь,
Значит, будешь князь!

Славен, славен, славен,
Как ни называй:
По-славянски — травень,
А по-русски — май!

* * *

Везли немазаные дроги
Меня учиться в городок
О чем же думал я в дороге,
Зажав в коленях узелок?

О чем мечтал я, бедолага
Из дальней сельской стороны?
Куплю цветастую рубаху
И справлю в дудочку штаны!

Я стану городским отныне
И новых заведу друзей...
...Я шел, а сзади на штанине
Висел гудиловский репей!

* * *

Снова вижу матицу за печкой
И забитый в матицу крючок.
Песенкой веселой и беспечной
Забавлялся в уголке сверчок.

Золотая бабушка Акуля,
Вспоминая молодость свою,
Медленно раскачивала люльку,
Напевала баюшки-баю.

Летним днем из молодого сада
В растворенный нараспашку дом
Затекала нежная прохлада,
Смешанная с медом и дымком.

Это только проблески сознанья,
Неизбывной памяти исток.
Светлые в душе воспоминанья
Будит незатейливый крючок.

Быть бы мне бродягою-скитальцем,
Да всегда, из стороны любой,
Этим самым крючковатым пальцем
Матица звала меня домой.

Порой заарканит дорога
И, в дали чужие маня.
Незримым канатом дорога
Потянет из дома меня.

Не просто потянет, а с кровью
Меня отрывает она
От родового гнездовья,
От голубого окна.

Дорога назло отнимает
Меня у берез и ракит.
Возьмет — измотает, измает
И снова назад возвратит.

И скажет:
Для блудного сына
Нет доли иной на земле.
Не трать понапрасному силы,
Не ройся в остывшей золе.

* * *

Соберу и уложу в рюкзак
Все свои обиды и печали
И тропинкой выйду на большак
И пойду в неведомые дали.

И скрещу я руки за спиной,
Виновато голову понурю.
И погонит совесть, как конвой,
И опять в душе посеет бурю.

Побреду, рассеивая грусть,
Кланяясь березам и осинам.
И домой под вечер возвращусь,
Все тревоги за спину закинув.

И поверю я без лишних слов
Всем, кто вечно бродит и кочует,
Что дорога лучше докторов
Ветром и усталостью врачует!

* * *

Дорога радует не всякого,
А я всю юность колесил
То прямоезжей — на Корсаково,
То окружной — на Новосиль.

А где-то в самой середине
Моих тропинок и дорог,
В тени крапивы и полыни
Лежал родительский порог.

И я сворачивал в глубинку
И неизменно делал крюк,
Чтоб остывающую крынку
Принять из материнских рук.

И я невольно торопился
И не жалел, что крюк — большой.
Я, видно, с детства зацепился
За этот самый крюк душой.

* * *

Я в деревню часто приезжаю
И, подвыпив у нее в гостях,
Говорю о судьбах урожая,
О горячих сельских новостях.

А она про жизнь свою мирскую
По-иному судит и рядит
И невольно душу городскую
Трезвостью житейской бередит.

Виновато, горестно, покорно
Светится хмельная голова,
И невольно подступают к горлу,
Словно кашель, жгучие слова.

Остаюсь пожизненно причастный,
В вечном неоплаченном долгу:
Я в деревню приезжаю часто,
А совсем остаться не могу.

* * *

Было буднично и просто
На душе и за душой.
Мимо сельского погоста
Торопился я домой.

Посмотреть бы мне направо,
Поклониться до земли
Тем могилам за канавой,
Что сиренью заросли.

Помянуть бы добрым словом
Всех сородичей своих,
Чтоб под этим жестким кровом
Было мягче праху их.

Ничего бы не заметил
И не вспомнил бы, увы,
Если б шляпу встречный ветер
Не сорвал бы с головы!

ЩЕГЛЫ

Была в России деревенька
С веселым именем Щеглы.
Была такая деревенька,
Теперь ни хаты, ни ветлы.

Кругом немое запустенье
Да непролазный чернобыл,
Да у канав кусты сирени,
Как будто холмики могил.

Да с той поры,
С той ночи тяжкой,
Когда людей настигла смерть,
Горит рябина у овражка
И все не может догореть.

Пускай невыразимо горько
Порой на сердце у меня,
Горит рябина у пригорка
Как символ вечного огня.

* * *

Я вновь задумаюсь в печали,
И снова вспыхнет интерес:
Ну почему тебя назвали —
Горелый лес, Горелый лес?

Никто не видел и не слышал,
Чтоб ты когда-нибудь горел.
А может быть, горел, да выжил,
Да всем на радость уцелел.

Недаром, светлый и зеленый,
Шумишь ты трепетной листвой
Над сизой пригородной зоной,
Над зарастающей Мецной.

Такой изведанный и дикий,
Ты завлекал не раз меня
Своей душистой земляникой
Или опятами у пня.

Спасибо, друг, за вдохновенье,
За красногрудую зарю,
За тихий шум, за птичье пенье,
За лыжный след по январю...

И вновь задумаюсь в печали,
И снова вспыхнет интерес:
Ах, почему тебя назвали —
Горелый лес, Горелый лес?

* * *

Зарос кувшинками и ряскою
У берегов старинный пруд.
А над его плотиной тряскою
Грачи отчаянно орут.

Ах, это снова у дороги
Крест-накрест забивают дом:
Вот почему грачи в тревоге,
Вот почему такой содом.

Опять кого-то по разлужью
Дорога в город повела.
Грачи не могут равнодушно
Смотреть на грустные дела.

Они не терпят вероломства.
У них совсем наоборот:
Крепить гнездо,
Растить потомство
И продолжать грачиный род!

* * *

Куда девались те орловские,
Неповторимые луга,
Где вечерами августовскими
В тумане плавали стога?

Куда пропали заповедные,
В цветах и ягодах, холмы,
Где зори росные рассветные
Встречали на покосе мы?

Куда попрятались с опушек
Чабрец, душица, зверобой,
Лишив таинственных старушек
Волшебной силы колдовской?

Лишь память бережет застенчиво
Весь этот мир и красоту,
Как романтическая женщина
Свою заветную мечту.

* * *

Были мельницы и запруды
На моей неприметной реке.
Плавал селезень сизогрудый
С белой утицей в тростнике.

Озорно шевеля плавниками,
В наши верши и кубари
Шли игривыми косяками
И синички, и пескари.

Здесь барахталась очумело
Голопузая ребятня.
Сердце екало, сердце пело,
Сердце прыгало у меня.

Отчего же неласково стало,
Неприютно и сиро окрест?
Словно вслед за людьми убежала
Эта речка из брошенных мест.

Пахнет тиною, тянет гнилью
Над заглохшим ее бочажком.
Вязнут гуси в зеленом иле,
Ходят гуси по дну пешком.

Где вы, мельницы и запруды
На моей неприметной реке?
Где ты, селезень сизогрудый
С белой утицей в тростнике?

Это память зовет и жалеет,
Что ушло и уходит навек.
Говорят, если реки мелеют,
То мелеет душой человек.

РУЧЕЙ

Его ждала вдали удача
И полноводная река.
А он, стремительный, горячий,
Рванулся влево с большака.

А он по межам и канавам
Бежал, волнуясь и кипя,
И раздавал хлебам и травам
По капле самого себя!

СТАРЫЙ КОЛОДЕЦ

Он поил дедов и бабок
Самой светлой ключевой.
Ну а всех больных и слабых
Исцелял водой живой.

Знал он сказочные были,
Видел всяких удальцов.
И, хотя его забыли,
Помнил каждого в лицо.

Ты найдешь его не сразу,
А отыщешь — не робей:
Он стрельнет зеленым глазом
Из-под сросшихся бровей.

Заглянешь в него, как в тайну,
Отведешь невольно взгляд,
Словно перед ним случайно
Тоже в чем-то виноват.

* * *

У ней потрескались колеса,
Помяты временем бока.
Она вернулась из извоза,
Из векового далека.

Стоит телега недвижимо,
Оглобли в небо заломив.
А большаком бегут машины,
Недобро фарами скосив.

Они сигналят ради смеха
И не скрывают спесь свою,
Забыв, что матушка-телега
Для них пробила колею...

ПОДОРОЖНИК

Ни скрип колес тележных,
Ни топот конских ног
Не потревожат прежних,
Заброшенных дорог.

А он дорогой бредит,
А он упрямо ждет,
Что кто-нибудь проедет,
Что кто-нибудь пройдет.

Все слушает, все слушает
Минувших дней мотив,
Развесистые уши
По ветру навострив...

* * *

Я устал на покосе,
Развалился в траве.
От березы к березе —
Муравьи в мураве.

Эти даром не бродят,
Не теряют свой след,
И меня переходят,
Как Уральский хребет!

ЧУДО

Асе Олейниковой

Я шел росистою дорожкой,
Глядел рассеянно в ручей.
И вдруг серебряный горошек
В кустах рассыпал соловей.

И я старался осторожно
Сырые ветки развести,
Чтоб отыскать в траве горошину
И, словно чудо, унести.

* * *

Погляди:
За речкой,
За Пчелиным Бродом
Забелела гречка,
Задышала медом.

Пьешь не просто воздух
А настой медовый.
Думаешь о звездах
В тишине садовой.

Сам ты в мирозданье
Кажешься пчелою,
Что летит за данью,
Данью восковою.

Скор и неприметен
Твой пчелиный век.
Все равно на свете
Ты счастливей всех.

Ты видал за речкой,
За Пчелиным Бродом,
Как белела гречка,
Как дышала медом.

ЗАПРАВКА

Сюда, к развесистым ракитам
И рокотавшим тракторам,
Нас, безотцовщину, магнитом
Притягивало по утрам.

И гужевалась у ограды
Орава шумная повес,
Когда чумазая бригада
Катила к нам из МТС.

Здесь в царстве дегтя и бензина
Жила романтика труда.
И звал какой-нибудь детина:
— А ну-ка, гаврики, сюда!

И было ясно без вопросов,
Что лучше дальше от греха:
И кто-то шприцевал колеса,
И кто-то драил лемеха.

И был у каждого характер,
И не расспрашивал никто:
— А что такое карбюратор
И что такое магнето?

Случалась всякая промашка,
И знал любой из пацанов,
Как доставалась перетяжка
Или притирка клапанов.

Зевали рваные ботинки,
Горели руки и бока,
А задавал на вечеринке
Иной такого трепака:

«Карбюратор не сосет,
Свечи не работают.
В клапанах такой зазор,
Что цилиндры хлопают!»

И, забывая передряги,
Спешили снова по утрам
И шутники, и работяги
К своим добитым тракторам.

Шагали шумно по дорожке
Походкой валкою своей,
Неподражаемо похожие
И на богов, и на чертей.

И нам хотелось в ту минуту,
Конечно, тайно от других,
Всю рожу вымазать мазутом,
Чтоб только походить на них.

И мы от гордости сияли,
Когда садились на прицеп.
И мы не в гавриков играли,
А зарабатывали хлеб!

МИКУЛА

Поле, как в былине, за рекой,
Только не посвистывал оратай,
Не скрипела сошка под рукой,
Под его рукою узловатой.

День оглох от шума скоростей,
От лихого рокота и гула.
Узнаю тебя по борозде,
Озорной гудиловский Микула!

Ты меня за шутку не ругай,
Ибо я души в тебе не чаю:
Люди величают — Миколай,
Ну, а я Микулой величаю.

Не отнимешь —
Ладен и пригож!
Залюбуюсь иногда украдкой:
Шибко на Микулу ты похож
И лицом, и силою, и хваткой.

Я учил былину наизусть,
Ты прочел по-своему былину:
Бросил сошку за ракитов куст
И охотно пересел в кабину.

ЗИМНИЙ СОН

Теперь их позабыли сводки,
Покинули грузовики.
Стоят комбайны-самоходки,
Надев на шины башмаки.

Стоят и дремлют на приколе,
А снится жаркая страда:
Они снуют в раздольном поле,
Как челноки, туда-сюда...

И вот застыли, как в дозоре,
На деревянных башмаках.
И густо пламенеют зори
На их натруженных боках.

Теперь никто их не тревожит,
А может, кто-то загрустит
Да тропку раннюю проложит
Среди заснеженных ракит.

Да в холода, почуяв лихо,
Презрев опасности в пути,
Прискочит старая зайчиха,
Надеясь зернышко найти.

* * *

Окину поле у ракит
Счастливыми глазами:
Ячмень лукаво шевелит
Колючими усами.

Взгляну на поле у берез,
А там, не умолкая,
Звенит сережками овес,
Пшеницу завлекая.

А вот и клин у тополей,
Где небесам на диво
Желтеет барыня полей —
Моя ржаная нива.

Встречает дед:
— Ну как, сосед?
— Приятно любоваться!
— Ужо довольно бы глазеть —
Пора за дело браться!

* * *

За ракитовой канавой,
За околицей
Уродилась рожь на славу —
Людям молится.

Все до колоса убрали,
До соломины.
Прочь — тревоги и печали,
Здравствуй, новина!

Хочешь с полем породниться —
Руки выпачкай.
Любо-мило хлеб дымится
Первой выпечки.

Даже в поле за канавой,
За ракитником
Пахнет хлебною приправой,
Свежим ситником.

* * *

Здесь всё
По-деревенски ново:
Диван, приемник и буфет.
Ни стана с крашеной основой,
Ни прялки бабушкиной нет.

Лампадки, лампы и лучины —
Как не бывало никогда.
В просторной горнице лучисто
Горит под матицей звезда.

Меня охватывает жалость
При виде этого всего.
Быть может, что-нибудь осталось
Еще от детства моего?

Лишь на столбу, на перемычке,
От солнцепека горячи,
Сидят фарфоровые птички,
Как бабушкины куличи.

* * *

Разучились нынче бабы
Ставить дежи, хлебы печь.
А ведь каждая могла бы
Ту науку приберечь.

У соседки — дочь-невеста
Восемнадцати годов.
Раз невеста, то известно:
Поджидай вот-вот сватов!

Значит, надо хлебом-солью
Дорогих гостей встречать.
Будет доброе застолье,
А в застолье — грех скучать.

Сват, конечно, хватит лишку
И зависнет над столом:
— Почему же нет коврижки
С рушником и петухом?

Стол прогнулся от закуски,
Скатерть винами цветет.
Ну а все же не по-русски —
Без коврижки стол не тот!

Где, скажите, дух подовый?
Для чего, скажите, печь? —
Нет, учитесь, бабы, снова
Ставить дежи, хлебы печь!

* * *

Перекрестив досками ставни,
Заколотив гвоздями дверь,
Жильцы покинули Муравню
И где-то странствуют теперь.

А может, справив новоселье
И крест поставив на селе,
Они прижились и осели
Навечно в Туле и Орле.

А где-то в Лисьем и Сорочьем
От прошлых дней остались пни
И, как больные зубы ночью,
Покоя не дают они.

А где-то домик в два окошка,
Где мыши шастают теперь
И много лет скребется кошка
В ту заколоченную дверь.

И грудь мучительно заноет,
И вдруг захочется с тоски:
Кому в Щеглы,
Кому в Хмельное,
Кому в Зеленые Лески.

Чтоб, целый день пешком отмерив,
Взгрустнуть у старого крыльца.
Видать, забиты только двери —
Не заколочены сердца.

ПЕЧАЛЬНИК

— Этот голубь подался в Тулу,
Эта ласточка в Нижний Чир! —
И бредет по селу сутуло
Опечаленный бригадир. —

Эй, кого мне послать на свеклу?
Выручай, пенсионный народ:
Тетка Марфа да бабка Фекла,
Дядя Кузя да дед Федот!

Эти слепли при керосине,
Эти выросли на лебеде.
Эти вечно кормили Россию,
Не бросали ее в беде.

Эти вечно в делах и заботе,
А вот дети из дома бегут.
Почему же у них не в почете
Это поле и этот труд?

Чем мешают маманя с папаней?
Чем уклад деревенский нелюб?
Нету бани?
Пожалуйста, баня!
Нету клуба?
Пожалуйста, клуб!

Может, водка в деревне дороже
И безвкуснее белый хлеб?
Может, нету ковровых дорожек
Или кто от лучины ослеп?

До чего это, братцы, нелепо!
И печальник под каждым окном
Укоризненно тычет в небо,
Как перстом,
Телеграфным столбом.

* * *

Вот и вывели стропила,
Замостили потолок.
Солнце щедро окропило
Окна, стены и конек.

Заплутавшийся случайно
Позавидовал скворец.
Только тайна,
Только тайна,
Для кого такой дворец.

Может быть, дорожка к дому
Станет милой и родной
Молодому агроному
И медичке озорной.

Дом построен,
Дом построен,
Поглядишь — раскроешь рот.
Ну а кто его достоин —
Пусть рассудит сам народ.

А пока,
Большой и гладкий,
Кот об угол трет бока,
Да залетные касатки
Вьются, вьются у конька.

* * *

Увозит девок и молодок
Приятель на заречный ток.
Мелькают пики загородок
Из свежекрашенных досок.

А вот и белый дом у речки,
Невольно дрогнула душа:
Жена скучает на крылечке,
Качая в люльке голыша.

— А ну, бедовая бригада,
Споем шоферу своему:
«Живет моя отрада
В высоком терему».

Шофер опомнится у тока:
— Эй, девки, завяжите рот! —
А те, подмигивая сбоку,
Полезут шумно через борт.

— Нет, раньше было интересней:
Пока до полюшка дойдешь,
Ну все-то байки,
Все-то песни
Переберешь,
Перепоешь.

И станут с явною досадой
Они ворчать и сожалеть,
Что не успели про отраду
Свою заветную допеть.

* * *

Она живет светло и тихо,
Без лишней грусти и забот.
Однажды в месяц почтариха
Вручает скромный перевод.

— Видать, еще не позабыли,
Что я, бездельница, живу!
А ведь была когда-то в силе —
И рожь косила, и траву.

И станет бабушка делиться
Своим старушечьим ку-ку:
Какие были-небылицы
Перевидала на веку.

— До самой смерти не забуду,
Как тяжки плуг и борона,
Как по распутью по два пуда
Таскала раньше семена.

Теперь-то нету прежней боли,
Не по-людски, а кое-как:
И без души картошку полют,
И свеклу тяпают не так!

Чего и не было в помине:
На каждой былочке — паук,
И в огород пробрался ныне
Какой-то чужеземный жук...

И беды все — от недогляда,
От лени-матушки, от ней.

И до того берет досада,
Что просто стыдно за людей.

И ты подумаешь невольно,
Вздыхая над чужой судьбой,
Что всем-то бабка недовольна,
А если вдуматься — собой!

* * *

Тетка возит молоко —
Пять бидонов в бричке
Десять верст — далеко,
Если без привычки.

Сбочь дороги у межи
Буйная зеленка:
Хоть корове положи,
Хоть подбрось теленку.

Мерин влево глаз косит,
Голову воротит.
— Шевелись, паразит! —
Обругает вроде.

— Шевелись, а то врублю,
Вредная натура:
Каждый шаг по рублю,
А губа не дура!

Ну, а мерин хвать да хвать
Той зеленки с викой:
«Все равно — отвечать,
Все равно рыкает.

Говорят, раньше здесь
Были мы в почете.
А теперь какая честь
Вот от этой тети?

А теперь какая жизнь —
Ругань всю дорогу:
Шевелись да шевелись,
А овес не трогай!»

СПОР

Снова сын с невесткой
Деда атакуют.
Снова очень веско
Старику толкуют:

— Главная усадьба,
Новая квартира:
Жить да поживать бы
На виду у мира!

Дед не хочет слушать,
Гневен и упорен:
— Значит, дом порушить
И порушить корень?

— Не мели, Емеля;
Корень корню — рознь:
Там земля — земелька,
Тут — копни и брось.

Дед собрался с духом,
Режет правоту:
— Значит, брось старуху,
Словно сироту?

Дед рукою дряблой
Трет со злостью лоб:
— Ну а сад? А яблонки?
Лучше сразу в гроб!

Вырыли антоновки,
Увезли с собою.
А в саду воронки,
Словно после боя.

* * *

Вспомнил дед забитый дом,
В деревеньке брошенный:
Там теперь бурьян кругом,
До сих пор не скошенный.

Там в заветном уголке,
Тряпочкой повитая,
Ждет коса на чердаке,
Загодя отбитая.

Надевает дед штаны
И рубаху свежую —
И подался от жены
На усадьбу прежнюю.

Что ты, брат, ни говори,
А коса бедовая:
Лихо порет купыри,
Лопухи садовые.

Подошел знакомый дед,
Усмехнулся в бороду:
— Знать, соскучился, сосед?
Не сидится в городе?

— Да, без дела не сижу.
Как тебе сказать бы:
Вот порядок навожу
На былой усадьбе.

Сам протер косу травой
И вздохнул нечаянно:
— Чтоб не думал домовой
Плохо про хозяина...

ПЕТУХ

Еще темно в деревне
И мирно спит народ,
А он зарю на гребне
Выносит из ворот.

За гребень красно-бурый,
За шпоры-востряки
Его любили куры,
Хвалили старики.

Сноровистый и смелый,
Взлетал он на сарай.
Горланил очумело,
Хоть уши затыкай.

— Опять распелся, ухарь?
Опять накличешь гром? —
Не выдержит старуха —
С метлой за петухом.

— Ну я тебе, анчутка,
Дурную — оторву! —
Свалился гребень чудный
В зеленую траву.

Померк огонь на гребне
В один из грешных дней.
Спокойнее в деревне
И, кажется, темней.

* * *

Этот лес
Подарен мне в наследство,
Этот луг
Завещан предком мне.
Я блуждаю по тропинкам детства
В дедовской былинной стороне.

По земле, где вольно и просторно,
Прохожу легко и не спеша:
Сердце замирает от восторга,
Музыкою полнится душа.

Несказанно радостно и грустно
Шелестит зеленая листва.
Наплывают песенные чувства,
В очередь становятся слова.

Хорошо в сторонке от дороги
Поваляться на густой траве.
Ни о чем не думаешь,
А строки
Сами возникают в голове.

Тут по-свойски брагою напоят
И соленой шуткой угостят,
Радостью поделятся любою,
Про любой поведают пустяк.

Тут про все услышу и узнаю,
Расспрошу у дедовской избы.
Я в свою деревню приезжаю
За стихами, словно по грибы.

БАЛЛАДА О СОСНАХ

Сказывают люди, будто ныне,
Испытав превратности судьбы,
Прижились в далекой Аргентине
Русские деревья и грибы.

Распушив зеленые хвоинки,
Появились сосенки на свет.
А вокруг ни липки, ни осинки,
Ни одной травинки русской нет.

Загрустили сосенки в разлуке,
Стали сохнуть с горя и тоски.
Лесоводы и мужи науки
Не шутя схватились за виски.

Слезно убеждали и просили,
Чтоб раскрыли знатоки секрет.
Наконец явился из России
Старикан семидесяти лет.

Он полушутя-полусерьезно
Отчитал того, кто виноват:
— Как же вы выращивали сосны —
И совсем забыли про маслят?

Улыбнулся русич хитровато,
Пальцем по-приятельски грозя:
— Вы забыли: сосны и маслята —
Это неразлучные друзья!

Старичок поколдовал над бровкой
И потряс коробочку в руке...
Вскоре желтоватые головки
Все заполонили в сосняке.

Поселились с сосенками рядом
Очень дорогие земляки.
Зеленеют дружно и отрадно
Молодых посадок островки.

И не зря, провозглашая тосты,
Хвалят аргентинцы от души:
— До чего великолепны сосны,
До чего маслята хороши!

* * *

Я только месяц из России,
А кажется давным-давно
Пью коктебельский воздух синий
И коктебельское вино.

То голубое, то зеленое
Качаю море на плечах.
Осадок горький и соленый
Запекся на моих губах.

А ночью тихо просят губы
Глоток лесного ветерка,
Глоток воды, ломящей зубы,
Что в роднике у Снежедка.

* * *

За мысом спряталась в дозоре
Настороженная луна,
И утонула в синем море
Предгрозовая тишина.

Я слышу дальний топот конский,
Я подглядел издалека,
Как через горы по-шпионски
Переползают облака.

А где-то волны бьют ракушки,
Гремят о цепи якорей,
И в тучи целятся верхушки
Пирамидальных тополей.

* * *

У золотистого причала
На черноморском берегу
Россия пела и плясала
В широком дружеском кругу.

Дивились пылкие грузины,
Вздыхали томно латыши:
Какой талант, какая сила,
Задор и молодость души!

А на прощанье долго-долго
Рукоплескал Зеленый Мыс,
Ревели волны от восторга
И вызывали нас на бис.

* * *

Девчата сидели и пели,
Тревожа больничный покой,
Как серые гуси летели,
Спешили с чужбины домой.

А гуси весну уносили
На Зушу, на Снежедь, на Чернь.
Во Мценске теперь, в Новосиле...
Ручьи по дорогам теперь.

— Эй, гуси! — отчаянно-дико
Я стае вдогонку кричу. —
Возьмите меня, горемыку,
Я с вами домой улечу.

Меня напоили бы соком
Березы в заречном краю.
А тут я брожу у истока
И воду противную пью.

И гуси ответили грустно:
Мол, все у тебя впереди.
И стало знобяще и пусто
В моей изболевшей груди.

И я напрягался в бессилье
И снова впадал в забытье.
А гуси несли над Россией
На прутике сердце мое.

* * *

Все тяжелей, все тяжелей
Пастушья сумка.
Налей, старуха, не жалей,
Полнее рюмку.

Налей за счастье пастуха
Под небом синим,
За наши русские луга,
За мать Россию.

Я вспомню зной и холода,
Жару и ливни.
Я был отчаянный тогда
И был счастливый.

Меня боялся лютый зверь,
Любило стадо.
А вот теперь, а вот теперь
Душа не рада.

Теперь пугают хворь и лень,
На сердце зябко.
Не греет даже в летний день
Баранья шапка.

Хожу-брожу как неживой,
Ступаю слепо,
И кажется над головой
С овчинку небо.

Все тяжелей, все тяжелей
Пастушья сумка.
Налей, старуха, не жалей,
Полнее рюмку.

Налей, старуха, я не пьян:
За мать Россию,
Я, может, даже не стакан,
А два осилю!

ЗАРНИЦЫ

Я рано встал из колыбели
И заспешил в большую жизнь.
Какие ветры прошумели,
Какие грозы пронеслись!

Я с упоением мальчишки
Сквозь годы долгие пронес
Незатухающие вспышки
За горизонт ушедших гроз.

Я не забыл дела и лица
Давным-давно минувших дней,
И колыхаются зарницы
В глазах и в памяти моей.

* * *

Вечно мальчишки в России —
В речке, в овражке, в леске —
Желтую глину месили,
В желтом возились песке.

— Где-то в лощине совиной,
Очень далёко, сынок,
Есть еще белая глина,
Есть еще красный песок!

Утром с большущей лопатой,
Чтоб не заметила мать,
Мчался мальчишка сопатый
Белую глину искать.

Следом ватага затопала
Через чужую поветь,
Чтобы у Малого Теплого
Красный песок посмотреть.

Скрылся никем не замеченный
За перелеском десант.
Дома до позднего вечера
Ищут пропавших ребят.

Детство ни в чем неповинно,
Память стучится в висок:
Снится мне белая глина,
Снится мне красный песок...

* * *

Чудак и труженик великий,
Мой дед, чтоб я не голосил,
Пучок душистой земляники
Всегда с покоса приносил.

Я выходил ему навстречу,
Навстречу радости самой.
А дед сажал меня на плечи
И нес торжественно домой.

Мне вспоминается в разлуке,
Что пахли ягодой тогда
Его мозолистые руки,
Его седая борода.

Чудак и труженик великий
Шагал тропинкой луговой,
А звезды зрели земляникой
Почти над самой головой.

* * *

Где тот дремучий травостой
Лихой поры военной?
Такой высокий и густой:
Взмахнешь — вязанка сена.

Была та буйная трава
Загадочной немножко:
Темнели тайной острова
Мышиного горошка.

Я замирал за два шага,
Робея и немея
Перед метелкой овсюга
И пикою пырея.

Кивал головкой там и тут
Пахучий белый клевер.
Над ним стоял пчелиный гуд,
Тревожен и напевен.

Трава отчаянно цвела,
По-бабьи жировала.
Земля хозяина ждала,
Ждала и горевала.

Земле хотелось щедрой быть,
Земля звала хозяина.
Вот здесь учился я косить
И жить и думать заново.

* * *

В двенадцать лет во мне Гудиловка
Признала дружно косаря.
В двенадцать лет меня будила
Рукою матери заря.

Я сброшу сон, как полушубок,
И заспешу в заречный луг,
Где от косьбы и бабьих шуток
Аж перехватывает дух.

Дымилась у меня рубаха,
Дымилась шея у меня.
А знает каждый работяга,
Что нету дыма без огня.

* * *

Слышен треск на всю округу,
Шум на всю околицу.
Льдины бьются друг о друга,
Друг о дружку колются.

Трутся льдины, трутся льдины
В голубое крошево.
Мост в испуге выгнул спину,
Словно кот взъерошенный.

Затаив в душе тревогу,
Матросня отважная
Провожает в путь-дорогу
Лодочки бумажные.

Уплывало наше горе,
Наше детство сирое
Прямо в море, прямо в море,
Прямо в море синее.

ЭХО

В. Бурмистрову

Я целый день бродил по лесу,
Искал свои двенадцать лет:
Спущусь в овраг, на дуб залезу,
Гляжу-гляжу, а их все нет.

Я крикнул детству, обозленный:
— В последний раз тебя зову-у-у!
И вдруг ответил лес зеленый
Далеким и родным: — А-у-у!..

— Эй, детство, подойди поближе:
Пучок клубники подарю...
Я думал: вновь его увижу,
По-дружески поговорю.

Но меж березок и осинок,
Задорным голосом звеня,
Мелькая пятками босыми,
Умчалось детство от меня.

ЯСЕНЬ

Прости меня, багряный Васин,
Неистребимый Васин мой,
Что я срубил красивый ясень
Военной лютою зимой.

Мне ясень сам навстречу вышел,
Мне сам на плечи ясень лег.
Я потому, быть может, выжил,
Что он от стужи уберег.

Я благодарно помню это,
Всем сердцем помню и умом.
Я до сих пор живу согретый
Его дыханьем и теплом.

Моя душа давно окрепла,
Представ на новом рубеже.
Но сохранилась горстка пепла,
Что замурована в душе.

* * *

Где-то рядом громыхали пушки,
За снарядом завывал снаряд.
Мы бежали в лес из деревушки,
Позабыв про кошку и котят.

Было жутко и тревожно очень,
Муторно и горько на душе.
Я очнулся средь июньской ночи
В маленьком дырявом шалаше.

Слышу, задыхаясь от волненья,
Трется Мурка около меня:
— Принимай, хозяин, пополненье —
Вывела сейчас из-под огня...

ПУЧОК КАЛИНЫ

Металась бабушка во сне,
Шепча бессвязно:
— Калинки мне, калинки мне,
Калинки красной...

Лежала старая, бледна,
В лихой простуде.
А в том саду была война,
Чужие люди.

Снялась из сада солдатня,
Ушли машины.
А возле камня, возле пня
Притихли мины.

Не трогай яблоню за ствол,
Не трогай ветку.
Уж подорвался рыжий вол,
Изранен — Гнедка.

А дома в душной тишине
Беда нависла:
— Калинки мне, калинки мне,
Калинки кислой...

И я бегу в запретный сад
Заглохшей тропкой.
И я ступаю в этот ад
Ногою робкой.

Повисла жизнь на волоске
Немецкой мины.
Но трепетал в моей руке
Пучок калины!

* * *

Плелась в глухую ночь лошадка
Через снега, через войну.
А волки праздновали святки,
Протяжно выли на луну.

Кобылка прядала ушами
И споро прибавляла шаг.
Мы слушали и не дышали,
Едва превозмогая страх.

Сестра закутывалась в тряпки,
А я сжимал сильнее кнут.
Но заклинала Богом бабка,
Что это барышни поют...

* * *

Дороги днем и ночью
Под танками пылят.
Скирды не обмолочены,
Заброшены в полях.

У бабки сердце колет,
У старой жар-озноб.
Пойду я в чисто поле,
Возьму пшеничный сноп.

Рука моя проворна,
Сноровиста рука.
Упруго брызжут зерна
На шаль из-под валька.

А я сильнее шпарю,
А я азартней бью:
Ведь завтра бабка сварит
Пахучую кутью!

* * *

Свежий хлеб — ржаное чудо —
На моем лежит столе.
Без него бывало худо,
Очень худо на земле.

Пухли руки, пухли ноги —
Человек слабел и слеп.
До последней малой крохи
Отдавался людям хлеб.

Я раскаиваюсь горько,
Не забыть того греха:
Я швырнул однажды корку
В забияку-петуха.

— Запорю! — вспылила бабка. —
С хлебом, мальчик, не дури:
Перед ним снимали шапку
Даже грозные цари!

* * *

Мы рано детство потеряли
В чужой далекой стороне.
В одной упряжке с матерями
Мы воз тянули по войне.

Нет, воз тот был не символичный,
А самый грузный и земной,
Забитый тряпками обычными
И всякой кладью избяной.

То был не воз, а просто тачка
На двух помятых колесах.
И мать, мужичка и гордячка,
И то скисала на глазах.

— А им-то легче, им-то легче? —
Я грустно в сторону глядел,
Где на родной орловской речке,
Не затихая, бой гремел.

— Ну, хорошо, давай немного,
Еще немножко поднажмем! —
И мы, подлаживая ногу,
Тащили тачку на подъем.

В одной упряжке с матерями
Мы где-то там еще бредем.
Мы рано детство потеряли
И поздно старость обретем!

* * *

Далеко ушла война,
Укатили пушки.
Баб попутал сатана
На лихой пирушке.

Ни дороги, ни следа.
Зимно и безлунно.
Рвет ветряка провода,
Словно ухарь струны.

Подгулявшие в гостях
Прыснут молодайки:
— Во наяривает, враг,
Как на балалайке!

В хате пляска, в хате гром,
Встречно-поперечно.
Ходит пол ходуном,
Вздрагивает печка.

— Не жалей каблуки,
Новые закажем.
Вот вернутся мужики,
Мы не так спляшем!

* * *

Муж свинцом фашистов косит,
Дело правое вершит.
Баба луг смахнет и сносит,
Стог собьет и завершит.

Оберет его, обладит
Хлопотливая рука.
Даже ласково погладит,
Словно мужние бока.

СОЛДАТКИ

Пускай война,
Пускай проруха,
А ты держись любой ценой.
Они брели за ржавым плугом,
Брели за ржавой бороной.

Мычали жалобно коровы,
Вздымая впалые бока,
И горько всхлипывали вдовы,
Что ребятня без молока.

И слезы с градинками пота
Срывались с женского лица.
— Не наша, бабоньки, работа! —
А той работе нет конца.

И снилось душными ночами,
Как будто через всю войну
Они натужно тянут сами
И воз, и плуг, и борону.

И шли они в одной упряжке
Со всем народом и страной:
Они — двужильные — в пристяжке,
А мать Россия — коренной.

* * *

В знакомой роще на опушке
Кукуют мирные кукушки.

А мне запомнились другие,
Как смерть, коварные и злые.

Те подавали голос свой
Не только летом — и зимой.

Одно мгновенное «ку-ку» —
И кровь дымилась на снегу.

А где-то там жена и мать
Весь век остались куковать.

И горько вторят на опушке
Им нынче мирные кукушки.

* * *

Горели поленья в печурке,
Потрескивал тихо огонь.
О чьей-то жене и дочурке
Вздыхала в землянке гармонь.

Припомнив родимые хаты,
Улыбки и слезы девчат,
Задумчиво пели ребята,
Зажав меж колен автомат.

А утром по вещему знаку
Вот эти, живые пока,
Уйдут из землянки в атаку,
А из атаки — в века.

Вот эта, наверно, полянка.
Теперь тут по пояс трава.
Давно обвалилась землянка,
А песня поныне жива!

* * *

Прошел родитель пол-Европы,
Любил родитель вспоминать
Дороги, реки и окопы,
Что приходилось с боем брать.

Я обнимал его робея,
А он смеялся: «Пощади!»
Скрипела грозно портупея,
Медаль горела на груди.

Я видел, что отец прекрасен,
Что он силен и знаменит,
Что он дорогой подпоясан
И весь дорогами обвит...

* * *

Чернела туча грозовая
И зависала над селом,
И, костылями громыхая,
Прошелся над полями гром.

В тот самый год сдурело небо,
Свалив на голову беду.
Превыше золота и хлеба
Ценили люди лебеду.

А бригадир сутулил спину
И матерился под хмельком,
Сжимая бабью дисциплину
И сроки жатвы кулаком.

Былинка кликала былинку,
И он за каждый колосок
Готов был обломать дубинку
И даже вызвать «воронок».

В тот самый год послевоенный
В селе налаживался быт,
А бригадиром был отменный,
С одной ногою инвалид.

* * *

Под старою ракитой
Висел плужной отвал:
То нежно, то сердито
Он на работу звал.

Он был для всех как совесть
В суровые года:
Запел — большая новость,
А задрожал — беда.

На звон его горластый,
На этот властный зов
Спешили бабы часто,
Не подоив коров.

Вот так, наверно, били
Деды в колокола,
Когда пожары были,
Когда война была.

Пускай не тем набатом
Плужной отвал трубил.
Он был их кровным братом,
Их младшим братом был.

Под старою ракитой
Висел плужной отвал:
То нежно, то сердито
Он всех на подвиг звал!

БАЛЛАДА О ЗЕМЛЯЧКЕ

Светлой памяти Жени Первышевой

Я не знаю, как ее звали:
Может, Женею, может, Валей.

Только славная девушка эта
В нашем городе где-то жила
И в лихое военное лето
Совершала лихие дела.

Здесь в округе все тропки и склоны
Знала с детства она наизусть.
Проходя у запретной зоны,
Говорила себе: «Не трусь!»

Босоногая, в старенькой блузке,
Шла девчонка в жару и дождь.
Спросит немец ее не по-русски:
«Ты куда, оборванка, идешь?»

Незнакомка шагает упрямо
И повсюду твердит свое:
«Я случайно отбилась от мамы
И никак не найду ее».

Видно, счастье девчонку хранило
От лихой неминучей беды.
Только там, где она проходила,
На земле оставались следы.

Где-то грозно пылали склады,
Где-то в воздух летели мосты,
Где-то ставили за оградой
Офицерам немецким кресты.

А девчонка шагала упрямо,
День и ночь пропадая в пути:
Все искала по селам маму
И никак не могла найти.

Только раз у чужого порога,
У заречных плакучих берез
Ей беда преградила дорогу
И повела на допрос...

«Ты, наверно, звезду захотела?» —
Издевались над ней палачи.
Непокорное девичье тело
Обожгли ножевые лучи.

Неизвестные добрые люди
Схоронили девчонку в саду,
Где печально цветут незабудки
У могилы ее на виду.

Я не знаю, как ее звали:
Может, Женею, может, Валей.

Только славная девушка эта
В нашем городе где-то жила
И в лихое военное лето
Совершала лихие дела.

* * *

Я узнаю его по форме,
Я узнаю его в лицо:
Вот с этой прядкой непокорной,
Что завивается в кольцо.

Я помню: весь заиндевелый,
В густом морозном серебре,
Он появился в форме белой
Декабрьским утром во дворе.

Заиндевело-белый лыжник
Ступал по снегу тяжело.
И мал и стар навстречу вышли
И проводили за село.

Кто знал, что у тропы прибрежной
Его засада стерегла?
Теперь стоит он, белоснежный,
На главной улице села.

В глазах ни боли, ни печали —
Суровый взгляд, тревожный взгляд.
Стоит солдат на пьедестале
И не снимает маскхалат.

ЗАВЕТ

Л. В. Петровой

Пускай мы в бронзе и граните —
Мы слышим вас, мы видим вас.
Вы нас, пожалуйста, храните
От громких слов и пышных фраз.

Не ради них, не ради славы
Мы шли когда-то в смертный бой.
Мы в час суровый и кровавый
Прикрыли Родину собой.

Во все века неистребимы
Земля, деревья, облака.
Пускай склоняется рябина
Над нами знаменем полка.

* * *

В Хиросиме скорбно и протяжно
Колокол вещает о беде,
И плывут кораблики бумажные
С именами мертвых по воде.

Снова стонут камни в Хиросиме
На глазах у выжженной земли.
И стоят у берегов России
На бессонном рейде корабли.

И следят моря и океаны,
Чтоб вовек не порвала беда
Параллели и меридианы,
Как во время бури провода.

* * *

Снова гибнут люди где-то,
Где-то кровь и слезы льют.
Только я представлю это —
Дыбом волосы встают.

Ясно вижу муки плена,
Слышу горький плач детей.
Каждый волос, как антенна,
Ловит боль и скорбь людей.

МАЛЬЧУГАН

Льву Филатову

Ну и Левка, ну и Левка,
Ну и Левка молодец:
Так баранку крутит ловко,
Что завидует отец.

Все его пути-дороги
Разместились на полу.
Очень важный, очень строгий
Левка возится в углу.

Левка занят срочным делом
И не видит никого.
Только радио взревело
И встревожило его.

Левка слышит, Левка слышит,
Что опять бомбят Вьетнам.
Левка часто-часто дышит
И глядит по сторонам.

Мальчуган сорвал кепчонку
И старательно прикрыл
Безотказную «трехтонку»,
На которой рожь возил.

Левка хмурится сердито,
Шепчет грозные слова,
Позабыв, что неприкрытой
Остается голова.

* * *

Не в ресторанах и столовых,
А на привале где-нибудь
Я ел на старых пнях сосновых
И вспоминал нелегкий путь.

Я этот отдых тратил скупо
И был в душе счастливей всех:
В мой котелок с горячим супом
Летел черемуховый снег...

* * *

Не ради денег и наживы,
Не ради громкой похвалы
Я как безропотный служивый
Стирал белье и мыл полы.

Не ради жирного приварка
В посудомойке миски тер,
Ворочал уголь в кочегарке
И нянчил сутками топор.

Не ради шутки и забавы
Месил в походах снег и грязь,
Долбил окопы и канавы,
Как перед боем торопясь.

Я выполнял любое дело
Без оговорок и смешков.
Мне это Родина велела —
И я не тратил лишних слов!

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Александру Елькину

Пусть ветер в грудь меня толкает,
Пускай за шиворот берет.
Я все равно вперед шагаю,
Ломлюсь напористо вперед.

А вот придет последний вечер,
Качну бессильно головой
И упаду беде навстречу
И ветер придавлю собой.

В КАРАУЛКЕ

На стенах портреты и плакаты.
Вид обычный: строговат и прост.
Пишут письма второпях ребята
Перед тем, как заступить на пост.

Как отцы писали их домой
Перед тем, как уходили в бой.

* * *

Ветер тучи грозовые гонит,
Нелегко усталость превозмочь.
На укрытом тьмою полигоне
Пушкари расстреливают ночь.

Лупят пушки яростно по целям,
По заросшим старым блиндажам,
Словно с той войны еще засели
И не сдались гитлеровцы нам.

* * *

У нас высокое призванье —
Хранить родные рубежи.
Мы слышим шорох и шуршанье,
И плеск волны, и шелест ржи.

Мы все, что ни коснется слуха,
Переведем на свой язык.
Всегда остро мы держим ухо,
Еще острее держим штык!

* * *

Над трибуной вскинулась рука:
— Если вновь заговорят орудья,
Мы страну родную от врага
Защитим своей широкой грудью!

Донимали в шутку паренька
С той поры друзья-однополчане:
— Ну и грудь у Сашки широка,
Прямо богатырское созданье.

Улыбался и краснел солдат,
В самом деле, перегнул немножко.
Только раз он осадил ребят
И сказал задумчиво и строго:

— Бросьте вы, пожалуйста, острить:
Если знать действительно охота,
Этой груди хватит, чтоб закрыть
Амбразуру вражеского дзота.

* * *

Когда заветные открытки
Вручал ребятам почтальон,
В какой-то бессердечной пытке
Махоркой задыхался он.

Какую боль или утрату
Старался в сердце заглушить,
Боялись спрашивать солдата,
Чтоб рану ту не ворошить.

Бывают всякие печали,
А лучше — если никакой.
Друзья сочувственно молчали
Или качали головой.

Ну как помочь в несчастье другу?
Как это горе разделить?
И я протягиваю руку:
— Оставь, дружище, покурить...

* * *

Я уезжал,
Я на вокзал спешил,
И, может быть, на вечную разлуку
Я торопливо жал ребятам руку,
С которыми три года прослужил.

Прощай, казарма,
Мой солдатский дом!
Я двери не закрою за собою.
Я знаю: мне последний был «подъем»
И не было последнего «отбоя».

* * *

Анатолию Беленкову

Между лугами-покосами
Из дальнего далека
Проходят плоты по Осьме,
Цепляясь за облака.

Коварны скрытые мели,
И повороты круты.
Глаза неусыпно глядели,
Как извивались плоты.

Я мерял багром перегоны,
Стремительно вел головной:
Я знал, что друзья-плотогоны
Стоят у меня за спиной.

Причалив на отдых заслуженный,
При свете костра и зари,
Справляем свой поздний ужин,
Солдаты и косари.

Затихло: ни смеха, ни стука.
Залитый костер погас.
Как будто хищная щука
Луну проглотила враз.

Уснем на душистом сене,
Закутанные в туман.
А утром опять по теченью
Уходит плотов караван.

Из дальнего синего леса
Отважные парни плывут,
Что в воду спокойно лезут
И смело в огонь пойдут.

* * *

Шел поезд берегом Аракса
В глухие поздние часы.
А ночь была черна, как вакса,
У пограничной полосы.

Лишь ночь от поезда отстала,
Туманы в горы уползли,
Перед глазами замелькала
Полоска вспаханной земли.

Везде граница на задвижке
Для глаз чужих, для ног чужих.
Молчат сторожевые вышки,
Дежурят пахари на них.

Они хранят надежно Родину
И от отцовских мест вдали
Усердно пашут и скородят
Полоску узкую земли.

* * *

Виктору Садовскому

Затосковав о русых косах,
О голубых глазах девчат,
Ребята пели о березах,
О тех березах, что не спят.

То утопая в синем шуме,
То набирая высоту,
В минуты горестных раздумий
Звучала песня на борту.

Она звала на подвиг ратный
Перед лицом военных гроз.
Была мучительно понятной
Для всех бессонница берез.

А у меня невольно слезы
Нахлынули из глубины:
Ведь эти самые березы
Из нашей дальней стороны.

* * *

Пурга захлестнула округу,
Во мгле утонул горизонт.
Когда-то в такую же вьюгу
Бойцы уходили на фронт.

Доныне пушистыми льдинками
Кружатся над ширью полей
Снежинки, снежинки, снежинки —
Застывшие слезы людей...

РАЗРЫВ-ТРАВА

Какие горькие слова,
Какие бессердечные:
Разрыв-трава, разрыв-трава,
Разрыв на веки вечные.

А мне до боли дорога
Любовь моя угарная.
Пойдем в луга, пойдем в луга,
Сорвем траву коварную.

Дурной траве не место тут
С ее цветами жуткими.
Пускай цветут, пускай цветут
Ромашки с незабудками!

* * *

Убегает вдаль тропинка
Неизвестно от кого.
Журавинка, Журавинка —
Сказка детства моего.

В этой сказке на рассвете
Зябко вздрогнула земля.
Обронил попутный ветер
Молодого журавля...

Обагрилась кровью зорька,
А над зорькой той вдали
Долго-долго, горько-горько
Голосили журавли.

И растаял, словно льдинка,
Трубный голос журавлей
Над садами Журавинки
И над юностью моей.

* * *

Я помню: ты клялась и спорила
В последний раз наедине,
Что волны жизненного моря
Не смоют память обо мне.

А в самом деле просто было:
Ни бурь, ни грома, ни грозы.
Тебе для этого хватило
Одной-единственной слезы.

* * *

Знать, такой обычай в Новосиле,
А из наших захолустных мест
Никогда еще не увозили
На грузовиках невест.

Я стоял, немой и недвижимый,
У села родного на краю:
Свадебная буйная машина
Увозила сверстницу мою.

Я глазами за борта хватался,
Только слышал пьяный смех в ответ.
Навсегда в душе моей остался
Рубчатый от шины след.

ГОРЬКО

В. Лазареву

Я снова в глубокой печали,
Но было когда-то больней:
Уж «горько!» не первой кричали
Знакомой девчонке моей.

Эх, вряд ли кто чувствовал только
Из них эту горечь в вине.
И было единственно горько
Ни капли не пившему мне!

* * *

Стою под окнами училища
У поседевших тополей,
Где мы когда-то разлучились
С беспечной юностью своей.

С печатью грусти и заботы
Я у прохожих на виду
Давно стою и жду кого-то,
Кого-то очень-очень жду.

Мальчишки виснут на ограде,
Горят желанием узнать:
— А вы кого хотите, дядя?
Кого вам, дяденька, позвать?

Стою, молчу, в ответ ни слова.
Ну что я им ответить мог?
Ведь юность не вернется снова,
И ты не выйдешь на порог.

ЛАСТОЧКА

Дмитрию Блынскому

Целый вечер у меня в соседстве
Милые болтает пустяки
Сверстница, из-за которой в детстве
Написал я первые стихи.

— Я искала парня с головою,
А попался вовсе не орел.
Убежала б я теперь с тобою,
Да сынишка держит за подол.

Волосы приподняли кепчонку
На моей дубовой голове.
Вспомнил я далекую девчонку —
Ласточку в весенней синеве.

Неужели это ты в соседстве
Милые болтаешь пустяки,
Девочка, из-за которой в детстве
Написал я первые стихи?

ГОЛУБАЯ ВОЛНА

Ой ты, Зуша, красавица Зуша,
Я давно в твои волны влюблен.
Я всегда открывал тебе душу
И отвешивал низкий поклон.

А теперь подхожу неуверенно,
И тревогой душа полна:
Убегает к другому берегу
Мною вспугнутая волна.

Неужели назад не вернется?
Неужели сама не поймет,
Что она вот сейчас разобьется
О заманчивый берег тот?

Ой ты, Зуша, красавица Зуша,
Ты за дерзость меня прости:
Я в беде никогда не струшу,
Если надо любовь спасти.

Знай головушку удалую —
Все равно, хоть пойду ко дну,
Догоню, обниму, поцелую
Голубую твою волну!

* * *

Я в глаза заглядывал ей часто,
Я ей душу выливал до дна.
Но она все так же безучастна,
Так же неприступно холодна.

Видно, даром обиваю ноги,
Невзирая на жару и дождь.
Видно, к ней ни по какой дороге
Не подъедешь и не подойдешь.

Делал всевозможные попытки,
Перебрал все тропки и пути.
Только в сердце не открыл калитку,
Только в сердце не сумел войти.

Никогда мне не было так горько,
Только все обиды ни к чему.
Значит, кто-то преданно и зорко
Охраняет подступы к нему.

* * *

Как дар бесценный и великий,
Я ту открытку берегу,
Где незабудки и гвоздики
Цветут, как в Бежином лугу.

Я целовал твою открытку
До исступленья горячо,
Как будто отменили пытку,
Что неизведана еще.

Я шел взволнованный и гордый,
Пугая кошек и собак
Своей сияющею мордой
С пятном чернильным на губах.

* * *

Я забыл слова твои бедовые,
Потому что много-много лет
Получаю карточки почтовые,
Ну а в них коротенький привет.

В них о сокровенном не расскажешь
Не раскроешь до конца души.
Ради бога, если письма в тяжесть,
То открытки лучше не пиши.

Понимаешь, тяжело мужчине
Пробиваться на сухом пайке.
Прибавляй, пожалуйста, отныне
По одной чувствительной строке.

Сердце ждет, а сердце не обманешь,
Потому и спрашиваю вновь:
Боже мой, когда ты перестанешь
Выдавать по карточкам любовь?

* * *

Речка Снежедь, речка Снежедь,
Не шуми и не ворчи.
Я люблю тебя за свежесть
И прозрачные ключи.

Родниково-ледяная,
С мелкой рябью на волне,
Ты бежишь навстречу маю.
Ты спешишь навстречу мне.

Ты не в Зушу, ты не в Зушу,
Ты не в Зушу, а в меня.
А в мою впадаешь душу,
Обжигая, леденя.

А меня берет досада,
Что дика не в меру ты,
Что от ласкового взгляда
Робко прячешься в кусты.

Разве ты не замечаешь,
Что не годы, а века
Все плутаешь, все плутаешь
По изгибам лозняка?

Я люблю тебя за нежность
И лукавить не привык.
Что же ты петляешь, Снежедь,
И боишься напрямик?

* * *

Вдвоем с черноглазой подругой,
С бедовой девчонкой вдвоем
Бредем мы по Бежину лугу,
Все дальше и дальше бредем.

Не знаю, всерьез или в шутку,
А только сказала она:
— Мне что-то становится жутко —
Такая кругом тишина.

В глаза мои глянув тревожно,
Вздохнула она глубоко.
В тот миг я почувствовал тоже,
Что слишком зашли далеко.

Ах, если, отбросив робость,
Пойдет она дальше со мной,
То станет соседняя область
Намного бедней красотой.

* * *

Случайно юную русалку
Я встретил в Бежином лугу.
Она стояла в полдень жаркий
На том высоком берегу.

Она звала, она манила,
Она меня к себе влекла
С такой земной и грешной силой,
Что робость за душу взяла.

Я, озорной и норовистый,
Впервые испугался тут,
Что Снежедь слишком омутиста,
А берег недоступно крут.

Как дым растаяла русалка
На том высоком берегу.
А я, растерянный и жалкий,
Маячил долго на лугу.

А я остался под дубами
Один над Снежедью-рекой:
Недотянувшийся губами,
Неприкоснувшийся рукой.

* * *

Губы алы, щеки белы,
А глаза — зеленые.
Ты напрасно мечешь стрелы,
В Студенце каленные.

Стань нежнее и добрее,
Лаской сразу меня.
Ты же светишь, а не греешь,
Словно солнце зимнее!

* * *

Меня мучительно тревожит,
Что ты лукавей с каждым днем.
Твоя наигранность похожа
На шалость детскую с огнем.

Я улыбался и бесился,
Я умолял и угрожал,
Пока всерьез не убедился,
Что неминуем тот пожар.

И ты ничуть не поумнела,
И я остался в дураках.
Тебя другой, наивно смелый,
Из пекла вынес на руках.

Ты слишком поздно спохватилась.
Ну что же, милая, ну что ж:
Не плачь над тем, что совершилось,
Огонь слезами не зальешь.

Не плачь, что юность отшумела,
Пойми в раскаянье своем:
О, сколько в жизни погорело
От детской шалости с огнем!

* * *

Погорели старые контакты,
Дружба навсегда оборвалась.
У какой тропинки или тракта
Ты теперь налаживаешь связь?

На какое новое свиданье
Ты спешишь, тревогу заглушив?
Может, снова в сердце замыканье
Или неожиданный обрыв?

Что-то часто,
Что-то слишком часто
У тебя не ладятся дела:
То ли люди злы и безучастны,
То ли ты заносчива и зла?

Я о людях не скажу ни слова,
Ничего плохого не скажу,
Потому что нежно и сурово
Дружбою людскою дорожу.

Ну а ты бездумна и спесива,
Потому не сможешь никогда
Опуститься до черты обрыва,
Чтоб замкнуть зубами провода.

* * *

Я теперь сожалею малость,
Что от прежних веселых дней
У меня на память не осталось
Даже фотографии твоей.

Долго сердце надеждой грелось,
Что созреет любовь в тиши.
Притаилась зверюшкой ревность
В закоулках моей души.

Проклинаю свою умеренность,
Будоражу огонь в себе,
Чтобы думалось, чтобы верилось,
Чтобы плакалось о тебе.

* * *

Пусть на тебя я карту ставил
И жизнь закладывал свою.
Есть исключения из правил,
И я о них не утаю.

Любил ли я?
Зачем об этом?
О том, что любят, не кричат.
Об этом бредят до рассвета
И по ночам стихи строчат.

Грубил ли я?
Ей-богу, грешен!
Не потому, что слишком груб.
А потому, что слишком нежен
И не ловил случайных губ.

В моей любви жила мятежность,
И ты совсем не поняла,
Что грубость
Означала нежность,
А нежность
Грубостью была.

Меня любовь гнала из дома
И заставляла выть и петь.
Дай Бог такой любви любому,
Чтоб гордо
Жить и умереть.

Я столько раз лишался веры,
Тонул в воде,

Горел в огне.
И никогда не знали меры
Любовь и ненависть
Во мне.

* * *

Я снова, я снова, я снова,
Как в юности, болен тобой:
Твоей красотой бестолковой,
Твоей непутевой судьбой.

С годами ты стала мне ближе,
Да только жалей не жалей,
А больше тебя не увижу
У этих речных тополей.

Спокойна вечерняя заводь,
И все-таки надо понять,
Что глупо за звездочкой плавать,
Что поздно ее догонять.

Не надо азарта и риска,
Напрасно гадать по руке.
Ты стала далекой и близкой,
Как звездочка эта в реке.

И все же люблю неизменно,
И даже судьбе вопреки,
Как будто твое колено,
Целую изгиб у реки.

* * *

На старой полтевской дороге
Мы расставались два часа.
Непримиримые, как боги,
Мы правду резали в глаза.

Я уходил от поединка,
А на ветру в твоих руках
Металась белая косынка,
Как запоздалый белый флаг.

* * *

Лето сыпало дождями
Да отборными.
Пробежала между нами
Кошка черная.

Осень желтыми лесами
Лето выжила.
Пробежала между нами
Кошка рыжая.

А зима мела снегами
Вечность целую.
Пробежала между нами
Кошка белая...

Май в округе полыхает,
Осыпая нежный цвет.
Что же нам теперь мешает?
Ведь зеленых кошек нет.

* * *

Распуши в горячую минуту,
Занеси над головою плеть,
Все равно оторопело буду
Под окошком у тебя глазеть.

Испытай предателя и труса —
Грозного спусти и натрави.
Люди скажут: помер от укуса,
Он один поверит — от любви.

Слишком много будет разговоров!
Лучше натрави и придержи,
Чтоб порвал штанину, словно вору,
Не добравшись до моей души.

Я прикинусь бедной сиротиной:
Так тебе и надо, чудаку!
Запылю разорванной штаниной,
Уходя домой по большаку.

Я опять в разлуке заболею,
Буду крепко думать и тужить
И, конечно, горько пожалею,
Что штанину некому зашить.

* * *

Я давно тобою спутан
По рукам и по ногам.
Мчатся годы, как минуты,
Только воз поныне там.

Сколько можно жить в разлуке?
Я прошу тебя, прошу:
Развяжи мне только руки —
Ноги сам я развяжу!

* * *

Я открываю слишком поздно
Что ты порой со мной была
То легкодумна, то серьезна,
То равнодушна, то мила.

За все улыбки и приветы,
За все, чем очарован был,
Платил я крупною монетой,
Я круглой суммою платил.

Моим ошибкам и удачам
Ты хладнокровно счет вела:
Ты возвращала честно сдачу,
А сдача мелочью была!

* * *

Я не забыл,
Я не забыл
Следы над Снежедью и Зушей.
Я так мучительно любил
Глаза, затопленные стужей.

Ты не поймешь,
Ты не поймешь,
Какой заплачено ценою
За эту голубую дрожь,
За это счастье ледяное.

В последний раз,
В последний раз
Я протянул на дружбу руку.
А ты плеснула стужей глаз
И гордо предпочла разлуку.

Я не виню,
Я не виню,
А горько-горько сожалею:
Я подчеркнул любовь свою,
Ты подвела черту под нею.

* * *

Под тяжестью обид сутулясь,
Превозмогая боль и злость,
Я покидал тебя и юность,
Сжигая за собою мост.

А мост был шаткий и скрипучий,
Висел над самою водой,
Грозя разлукой неминучей
И неминучею бедой.

Я жег в огне любую малость,
Что дорога и свята мне,
Чтоб ничего не оставалось
На той постылой стороне.

Мои друзья отлично знали,
Что совесть у меня чиста.
А все же думали в печали:
«Ну как же речке без моста?»

Я уходил в закат багровый,
Превозмогая боль и злость.
А люди возводили новый,
Надежный и красивый мост.

* * *

Я давно в любовь не верю,
Все равно назло беде
Обниму холодный берег,
Свешу голову к воде.

Я украдкой поцелую
Речку Снежедь в лозняке,
Словно жилку голубую
У любимой на руке.

* * *

Ну-ка, память, трогай дрожки
В Слободу Стекольную —
Прямоезжею дорожкой,
А не то — окольною.

Мне знакома та и эта,
Той и этой хаживал.
А теперь дороги нету,
Нету и не спрашивай.

Значит, память, прямо к лугу,
Прямо к лугу Бежину.
Навестим былого друга,
Поклонимся прежнему.

Погорюем там немножко,
Что любовь оставила.
Заколодела дорожка,
Ой, да замуравела.

* * *

Ты помнишь девочку чернявую,
Зернобобовый институт?
Она пришла к тебе за славою,
А славу даром не дают.

Она корпела над бумагами,
Над пухлой грудою статей
С таким упорством и отвагою,
Что растеряла всех друзей.

Ей стало страшно в одиночестве
При мысли горестной одной,
Что где-то радости и почести
Ее обходят стороной.

Ей вспоминался лес березовый,
Над тихой Снежедью дубы,
И наворачивались слезы
Крупнее, чем твои бобы.

И потому с печальной миною,
С усмешкой горькой на губах
Она легко тебя покинула,
Чтоб не остаться на бобах.

Прости ту девочку чернявую,
Зернобобовый институт.
Она пришла к тебе за славою,
А славу даром не дают.

ПАМЯТЬ

С. П.

Опять знакомая дорога
Меня на Снежедь привела.
Затихла давняя тревога,
Душа спокойна и светла,

И лишь по-прежнему над полем,
Не умолкая никогда,
Моей невысказанной болью
Гудят и стонут провода.

СНЕЖЕДЬ

Это имя
Вьюгам не заснежить,
Никаким снегам не замести.
Я склоняюсь над тобою, Снежедь,
Чтобы вновь
«Люблю!»
Произнести.

Ты бежишь
Такая светло-синяя,
Золотыми брызгами слепя.
Что-то есть
От снега и от инея,
Что-то есть
От солнца у тебя.

Скачешь ты
От омута до мели,
Шумно завихряясь и бурля.
Что-то есть
От вьюги и метели,
Что-то есть в тебе
От февраля.

Словно Русь,
Нежна и своенравна,
Ты хранила мужественно честь.
Что-то есть в тебе
От Ярославны
И от Несмеяны
Что-то есть.

Я бреду сквозь белые туманы,
За тобой в историю иду.
Не твоим ли именем Снежану
Окрестили вятичи в роду?

Может быть, над этою долиной
Заливался Вятко соловьем.
Что-то есть
Былинное-былинное
В родниковом имени твоем.

* * *

Памяти Миклухо-Маклая

Уплывала шхуна голубая,
Покидая дикие леса.
Папуаска Берега Маклая
Утирала грустные глаза.

Неужели не вернется снова,
Не подарит ей волшебных бус
Этот самый нежный и суровый,
С бородою рыжей, тамо-русс?

Был он из неведомой России,
Из далекой сказочной страны,
Этот самый добрый и красивый,
Всемогущий «человек с Луны».

Может, это правда, может, сказка,
Только там, где плещется залив,
Ждет и ждет Миклуху папуаска,
По-славянски пальму обхватив.

ЗАГАДКА

Никакой загадки
Не было и нет.
Свет мой предзакатный,
Предосенний свет.

Горестно и нежно
Почитая Русь,
Всей душою грешной
За тебя держусь.

Стал трезвей и строже
Выбирать друзей.
Никого — дороже,
Никого — родней.

Ты — мое спасение
От невзгод и бед.
Свет мой предосенний,
Предзакатный свет.

УЛЫБКИ

За все грехи, за все ошибки
Казню и милую себя,
То злой, то доброю улыбкой
Больную совесть теребя.

Я убежден вполне серьезно,
Что все улыбки хороши,
Что даже горький смех сквозь слезы
Зело полезен для души!

* * *

Прости за долгую разлуку,
Село родное у реки.
Еще нежней и крепче руку
Мне пожимают земляки.

Глаза поблескивают радостно,
А сердце вновь навеселе.
Всегда теплом сорокаградусным
Меня встречают на селе.

* * *

Махнув рукою на деревню,
Закутав голову в метель,
Умчалась глупая царевна
Почти за тридевять земель.

А я сижу, забыв упреки,
Один в печали и тоске:
Быть может, бродит без дороги?
Быть может, жизнь на волоске?

Быть может, где-то просит жалобно,
Чтоб я ее от смерти спас?
Лишь только серый волк, пожалуй,
Меня бы выручил сейчас.

Я обыскал бы все окрестности,
Любой из дальних уголков.
Ах, как мне жаль,
Что в нашей местности
Перестреляли всех волков.

«ТЮРЯ»

Завлекала среди бела дня
Озорная вдовушка меня.

Я смотрел угрюмо и устало,
А она проходу не давала.

Я краснел, смущенно балагуря,
А она вспылила:
— Эх ты, тюря!

Ну а я продолжил в том же духе:
Мол, пойдет и тюря с голодухи!

* * *

Мне давно друзья толкуют:
Мол, женись скорее, черт!
Все болезни сразу сдует,
Сразу язва заживет.

Понимаю, принимаю
Добрый дружеский совет.
Долго голову ломаю:
То ли верить, то ли нет?

Я хожу смешной, несвязный,
С тяжкой думой в голове.
Проживу с одною язвой,
Не хочу, чтоб было две.

* * *

Я заверил грустную подругу,
Что люблю давно и горячо.
Ну, а сам заботливую руку
Положил ей робко на плечо.

Я гляжу: от этакой нагрузки,
От моих чувствительных речей
Сердце трепыхается под блузкой,
Словно залетевший воробей.

Видно, с птахой невозможно сладить,
Потому и расходилась грудь.
Так хотелось воробья погладить! —
Побоялся, как бы не спугнуть.

* * *

Ах, гусь ты, мой гусь,
Гусь ты лапчатый,
Я в саду не заберусь
В улей рамчатый.

Я не трону гусят
Со гусынею.
Гуси высыпали в ряд,
Рты разинули.

Я от милой тайком —
В утро раннее.
Гуси вслед за гусаком
Загорланили.

Вы мне голову снесли,
Черти вредные:
Говорят, вы Рим спасли,
А меня — предали!

* * *

Тряхнув своей прической модной,
Опять встречаешь на крыльце
Меня подчеркнуто холодной
И кислой миной на лице.

Я долго ждал, наивно веря,
Что снизойдешь когда-нибудь.
А в этот вечер, хлопнув дверью,
Ты отрубила: «Позабудь!»

А в этот вечер синий-синий
Бесповоротно понял я,
Что на твоей надменной мине
Подорвалась любовь моя.

* * *

Говорят, что мы с тобой
Совершенно разные:
Я — веселый и простой,
Ты — гордячка властная.

Не жалею о судьбе,
Не гляжу растерянно:
Я рублю не по себе,
А по сердцу дерево!

* * *

От Снежеди до станции —
Следы, следы, следы.
Следы по сердцу тянутся
От счастья до беды.

Я все простил, что было,
В одном тебя виня:
Зачем ты наследила
На сердце у меня?

* * *

Может быть, в Саратове,
Может быть, в Казани
Волга меня сватала
На речном вокзале.

Ой, ты, Волга-матушка,
Не могу утешить:
Я не брошу камушка
В голубую Снежедь.

* * *

Не шумела, не грубила,
Не показывала власть.
Только руки вдруг умыла
И другому отдалась.

В жизни всякое бывает.
Не стони и не брани.
Если руки умывают —
Значит, грязные они.

* * *

Меня сватать приходил,
Уговаривал
Сам железный бригадир
Из Панарина.

Улыбалась мило мать,
Что завидный будет зять.
А я модничала
Да уродничала.

Мать шептала:
— Покорись,
Не ломайся, дура:
На селе тракторист —
Главная фигура!

А я модничала
Да уродничала:
— Видная фигура,
И губа не дура!

* * *

Бывало, щеголяли девки
Тугими косами до пят.
Вовсю горланили запевки,
Сводили сплетни про ребят.

Теперь все реже, реже, реже
Встречаешь косы у девчат.
Иная так себе подрежет,
Что только кончики торчат.

А все равно живут интрижки,
С кумою лается кума.
Ей-богу, от короткой стрижки
Не прибавляется ума!

* * *

Ее глаза холодной синевой
Невольно удивляли и бесили.
А парень был с бедовой головой,
А парень был при красоте и силе.

— Пойми меня и губы не криви,—
Признался он в минуту откровенья,—
Есть в каждой прозаической любви
Лирические отступленья.

«МОЛНИЯ»

Укатив из Пскова
На реку Сосну,
Муж увлекся клевом
И забыл жену.

А жена напомнила:
Почему, мол, так?
Телеграмму-молнию
Получил рыбак.

Теребил он удочки,
Стоя у воды:
«Молния» — не шуточки,
Ожидай беды.

А хозяйка молвила,
Поводя плечом:
— Знай, за этой молнией
Скоро грянет гром!

* * *

Девчонку звали просто Викой
Во всем зареченском селе.
Цвела лесная земляника
У ней на ярком подоле.

А по углам везде и всюду
Шептались бабы горячо:
— Все это цветики покуда,
А будут ягодки еще!

* * *

Позабыв мальчишескую шалость,
Уезжал парнишка за Тобол.
Лишь упрямо сверстница держалась
За цветастый маменькин подол.

Теплый угол. Меховая шубка.
На комоде выводок слона.
С кругозором маменькиной юбки
Навсегда останется она.

* * *

Ласкает волосы и плечи
Веселый майский ветерок.
А ты встаешь ему навстречу,
В руке сжимая мастерок.

Ты загляделась в голубое,
Весенней свежестью дыша,
Спокойно наступив ногою
На все четыре этажа.

И ты совсем не виновата,
Ничуть не виновата в том,
Что оказались все ребята
Вдруг у тебя под каблуком.

* * *

Взглянув озоровато сбоку
На мой замасленный пиджак,
Она заметила с упреком:
— Эх, сразу видно: холостяк!

Я возразил бедовой с ходу,
Что все по-разному живут,
Что холостяцкую свободу
Не променяю на уют.

Я говорю, она — ни слова.
Расстались с явным холодком.
А через день встречаю снова
На перекрестке полевом.

Я как давнишнюю подругу
Девчонку сразу узнаю:
Стоит и поднимает руку...
На независимость мою.

* * *

Я захмелел совсем немного
И перегрел слегка мотор,
А волновался всю дорогу
И озирался, словно вор.

Я напрягался через силу,
Следил за каждым бугорком.
Шоссе все время мне грозило
Своим булыжным кулаком.

* * *

Агроном вспылил на тракториста:
— Заново весь гон перепаши!
Ты у нас бедовый и речистый,
А земельку пашешь без души.

И казалось пареньку порою,
Будто грач, узнав его вину,
Шел за плугом свежей бороздою,
Проверяя клювом глубину.

* * *

Открытая дождям и ветрам,
Под вечный шелест ковыля,
Кругом на сотни километров
Лежала мертвая земля.

А мы с распахнутою грудью
Пришли из дальней стороны,
Чтоб навсегда порвать в лоскутья
Ковыльный саван целины.

* * *

Горели руки озорные,
Ломило у ребят в боку.
Сверкали горы золотые
Литой пшеницей на току.

А я гружу вот эти горы
И чувствую, как подо мной
Пружинят новые рессоры
И оседает шар земной.

* * *

Сверкала на солнце роса,
И дичь пестрокрылая разная
Трубила на все голоса,
Какое-то таинство празднуя.

Ей-богу, и листик, и ветка, и куст —
Все пело светло и чудесно.
Я понял: проходит декада искусств
Волшебного русского леса!

ШИПОВНИК

Я помню: раньше не щадили
Его колючей красоты.
Ребята рвали и дарили
Знакомым девочкам цветы.

Теперь проходят бабы мимо,
Проходят мимо мужики.
А он стоит, невозмутимый,
И раздувает угольки!

* * *

Отпадают год от года
Закадычные друзья,
Словно листья в непогоду,
Завихряясь и скользя.

Не виню, не укоряю,
Лишь в душе такая грусть,
Будто сам себя теряю,
Сам с собою расстаюсь.

* * *

В каждой захолустной деревеньке,
За собой не чувствуя вины,
Обдирая пузо и коленки,
Лезут на макушку пацаны.

Долго-долго в облаках витают
И не сразу признают вину,
Если вдруг их за уши хватают
И показывают луну!

* * *

Был он масти вороной,
Знатной был породы.
Да обходят стороной
Глупые коровы.

Нагулявшись по траве,
Брел лесной дорогой
Бык, по кличке Галифе,
Жилистый, безрогий.

Много верст, трудных верст
По дороге скверной
Он тянул тяжелый воз
Медленно и верно.

Бык напорист и здоров,
Не охоч до славы.
Был в трудах за всех коров,
Милых и слюнявых.

ПЕТЬКА СЕРЫЙ

Эле

А бывало, сердце раня,
Этот самый сукин сын
Завораживал, горланя,
Даже уток и гусынь!

Оборвался дивный голос,
Неожиданно иссяк —
Словно небо раскололось
И пошло наискосяк.

Охватил беднягу ужас —
Неужели век хрипеть?
Озираясь и натужась,
Вновь пытается запеть.

Снова пробует украдкой —
Не выходит ничего.
Все бедовые хохлатки
Отвернулись от него.

Неприкаянный и хмурый,
Бродит Петька целый день.
Лишь одна чумная кура
Неразлучна с ним,
Как тень.

МУРКА

Вышла Мурка посмотреть погоду,
Только отлучилась за порог,
А котята канули как в воду,
Поминай как звали четырех.

Может быть, их спрятали в крапиве,
А быть может, в дальний лес несут?
Что же делать?
Ведь они слепые
И домой дорогу не найдут.

Всю неделю бедная мяукала,
Все углы обшарила в дому.
Ни к чему звериная наука,
И кошачья ловкость ни к чему.

Не смиряясь,
Лезет втихомолку
Мурка в потайные уголки.
— Что ты, ведьма,
Шастаешь по полкам?
Что ты, дура,
Лижешь пузырьки?

— Не ругай ты кошку, Емельяновна,
И чертей не призывай на суд:
Это Мурка ищет валерьяновку,
Видно, нервы у нее сдают.

* * *

Ждет меня маманя на покосе.
Я бегу дорожкой полевой,
И почти смыкаются колосья
Над моей белесой головой.

Ждет меня старушка на покосе.
Я спешу к нескошенной траве
И мужскою лапою колосья
Глажу по шершавой голове!

* * *

Праздный и веселый соглядатай,
Заявлялся в самую страду.
Шлялся от рассвета до заката —
Отдыхал — имеется в виду.

Обойдет все горки и увалы,
Не стыдясь укора и греха.
Чудо-шляпа косо тень бросала
На кусты, полянки и луга.

Земляки шутили откровенно,
Сверстнику нисколько не грубя:
— Только и осталось от деревни,
Что солома в шляпе у тебя!

* * *

Нахохлясь и насупясь,
Скребя рукой висок,
Глядел лесник на супесь,
Желтевшую у ног.

Смотрел хозяин с грустью,
Кривил в усмешке рот:
— Ты прозябаешь, пустошь,
Без дела и забот.

Я посажу вдоль балки
И сосны и дубы.
Рожать не хочешь злаки —
Рожай теперь грибы!

Я был там этим летом
И чертыхался вслух:
— Ах, жаль, корзинки нету,
А может, даже двух!

* * *

Лезет с обочины
В рожь лебеда.
Шепчет озабоченно:
— Ну, кума, беда!

Помнишь год печальный,
Гиблый недород?
Вместе выручали
Из беды народ.

Были дни лихие —
Всем нужна была.
А теперь плохие
У меня дела.

Наклонив колосья,
Зашумела рожь:
— Незваная гостья,
Меня не тревожь.

Ты не жди милость
И в родню не лезь.
Ты опять явилась
Как дурная весть.

Горькая недоля,
С глаз долой!
Опахали поле
Черною каймой.

* * *

Друзья похожи на арапов,
И я, забыв, что бел, как мел,
Весь день безбожно солнце хапал
И капитально погорел.

Теперь сижу печально-хмурый,
Теперь бросает в жар и дрожь:
Теперь расплачиваюсь шкурой
За этот солнечный грабеж!

* * *

Гром хлестал запоздалую тучу
Хворостиною голубой.
Обливаясь слезами горючими,
Туча шла над лесной полосой.

Две березы зеленою сеткой
Принакрыли меня от грозы.
Шевелились нависшие ветки,
Словно чьи-то большие усы.

* * *

То под ракитой возле тропки,
То в хате тесной и простой
Кормил гороховой похлебкой
Ребят лопашинских Толстой.

Он уезжал, а им казалось,
Что вновь помчался за едой.
И долго-долго пыль взвивалась
Седой толстовской бородой.

* * *

Вышла в поле деревушка —
Две ракитки, три кола:
Кособокие избушки
Возле пруда собрала.

«Не сельцо, а Голоплеки!» —
Сорвалось у шутника.
Ускакал охотник в елки,
Ну а шутка — на века.

Миновали в жизни сроки,
Стерлись горькие следы.
Нарядились Голоплеки
Нынче в шифер и сады.

Разрисованы карнизы,
Разукрашено крыльцо.
А лобастый телевизор —
Как заглавное лицо.

Собрались отцы и дети,
Обмывают «Жигули».
Говорливые соседи
На беседу забрели.

Водрузились на диване —
Смотрят «Первую любовь».
И не снилась дяде Ване
Никогда такая новь!

* * *

Давно успела позабыться
Послевоенная беда.
А все шумит и золотится
В стихах и песнях лебеда.

Ну что вы, братцы, в самом деле,
Дурное славите былье?
Мы лебеду зеленой съели,
Чтоб вы не видели ее!

* * *

Закатил мой друг поэму,
А в поэме тыща строк.
Зацепил большую тему,
А поднять ее не смог.

С той поры печальный бродит,
Хлещет горькое вино.
То, что сердцем не выходит,
Выйдет боком все равно!

КАМЕШКИ

Поэзия

Затаенно бьется сердце,
Тяжелеет голова:
Словно зубы у младенца,
Прорезаются слова.

Зеркальце

Дерзкие, веселые и строгие,
От ребячьих челок до седин, —
В зеркальце заглядывались многие,
А хозяин — только я один!

Сердце

Ты со мною не шути, соседка,
А держи себя настороже:
Попадешь в мою грудную клетку —
Никогда не вырвешься уже!

Борода

На Руси извечно борода
Украшала злого и веселого.
Только настоящая беда,
Если у кого-то борода
Перевешивает голову.

Пепел

Неужели ни любви, ни веры?
Все сгорело, превратилось в прах.
Неужели это пепел серый
Шевелится у тебя в глазах?

* * *

Обратаю Сивку, обратаю
И вскочу на спину с бугорка,
И, босыми пятками болтая,
Полечу на крыльях ветерка.

Это было в детстве, это было
Летом, за рекою, на лугу.
Почему же с нынешнею силой
Обратать Пегаса не могу?

Почему так муторно и горько
И душа не просится в полет?
Сивку-бурку укатали горки,
А Пегас меня не признает.

* * *

— Послушай, батенька, послушай,
Ты все о Зуше, все о Зуше,
А Зуша, батенька, узка! —
Заметил критик свысока.

А я ответил зло и колко:
— Поймите, Зуша льется в Волгу,
А Волга-матушка река
И широка, и глубока.

* * *

Всех святых на помощь звали,
Не одну сказали речь.
Долго думали-гадали,
Как меня назвать-наречь.

Мне, наверно, надоело:
Как же станут величать?
Я во всю ивановскую
Ну кричать!

Дед ударил по стаканам,
Дед сказал, как завязал:
— Называть его Иваном —
Он на деле доказал!

Все бывает у потомка —
Ошибаюсь и грешу.
Но об этом слишком громко
Не кричу и не пишу.

ЗЕЛЕНЫЙ ХОЛМ

Зеленеет скорбный холм
Посреди России:
Непролазный бурелом
Да кресты косые.

Посещая божий храм,
Бабушки и деды
Оживают по ночам
И ведут беседы.

Вспомнят батюшку-царя,
Ильича и Оську.
Повздыхают втихаря:
Все родные в доску!

Им неведомы небось
Новые порядки.
Пошатнулись вкривь и вкось
Ржавые оградки...

Видно, дети далеко,
Ну а внуки — дальше.
Здесь спокойно и легко
Без вражды и фальши.

Мне завещан этот холм
Посреди России:
Непролазный бурелом
Да кресты косые.

Я припомню в свой черед,
Задымив махоркой,
Как дурачили народ
Ленька,
Мишка,
Борька...

* * *

Не провожай меня в дорогу
И не гляди с тревогой вслед.
Я попрощаюсь у порога
И заспешу в сырой рассвет.

Теперь в любые дни недели
Столпотворение у касс.
С утра клубится от безделья
Заблудший и несчастный класс.

Темно на МЗАЛе и на ЗИЛе,
Затихли дружные шаги.
Людей от дела отлучили,
Отбили руки и мозги.

Им наплевать на все реформы
И прохиндейские дела.
Непредсказуемо-покорно
Русь закусила удила.

Но в царстве смуты и раздора,
Среди предательства и склок
Есть у меня своя опора,
Свой суверенный уголок.

Меня всю жизнь нетерпеливо
Деревня-матушка зовет
В свои луга, в свою крапиву,
В отцовский сад и огород.

Еще не ослабели руки,
Еще завистливы глаза.
Не заржавеют здесь от скуки
Топор, лопата и коса.

За этот берег, слава богу,
Я неприкаянно держусь.
Не провожай меня в дорогу,
Не провожай — не заблужусь!

* * *

Сейчас сам черт не разберет,
Какая демократия:
У власти топчется народ,
А правит — та же братия.

Мерзавцы снова на коне,
Хотя в ином убранстве.
Все перепуталось в стране,
И даже в божьем царстве.

Беда накликала беду,
Нависла тьма кромешная:
Святые маются в аду,
В раю жируют грешные!

КРЫСЫ

Раньше были красные,
А теперь трехцветные:
Прощелыги разные,
Крысы кабинетные.

Черных, рыжих, белых
Вывела мутация.
Что же ты наделала,
Деморадиация?

* * *

Он стоит на повороте
И вопит на всю страну:
— Если вновь не изберете,
То получите войну.
Борзописцы и артисты,
Позабыв Христа и Мать,
С песней,
Пляскою
И свистом
Побежали выручать.
— Берегитесь, комуняки! —
Слышен голос сатаны.
Видно, правда, у вояки
Слабо держатся штаны!
Не видал картины гаже.
Братцы! Что за чудеса?
Поступили в распродажу
Совесть,
Честь
И голоса!

БЕДОКУР

Петух, бесстыжий бедокур,
Похожий на Чубайса,
Приватизировал всех кур
И за индюшек взялся.

Ему плевать на все грехи,
На птичий гвалт и вопли.
Разгорячились индюки
И — распустили сопли...

ТИХОНЯ

Явился миру красный бык
По прозвищу Тихоня.
Он к этой кличке так привык,
Что рев стоял в загоне.

Рогат, сноровист и поджар,
Таил он гнев во взгляде.
Когда ревел — бросало в жар
Коров и телок в стаде.

Им доставалась не любовь,
А просто бычье семя.
На свет рождалось вновь и вновь
Загадочное племя.

Лишали красного быка
Простой звериной страсти,
А всех подруг наверняка —
Естественного счастья.

Бык негодующе ревел
В крутом мужском запале.
А чтоб он люто не зверел,
Его закольцевали!

ПУСТО

Заверял: «Ребята,
Заживем богато!»
Глядь — на полках густо,
А в карманах пусто.
Думали: «Избранник!»
Глядь — а он — карманник.

* * *

Победно, шумно, браво
Проплыл он поутру.
Над ним гремела слава
Жестянкой на ветру.

Рождая страх и лепет,
Он зычно славил Русь.
Да оказался лебедь
Довольно скользкий... гусь!

ОВЦА

Экзотическая краля,
Задыхаясь от грехов,
Завопила вдруг с экрана:
— Надо вырезать врагов!

Видно, ей неймется стадо
Баламутить и пугать.
Ей бы тише блеять надо
И — шампур не забывать!

РЕЦИДИВИСТ

Сбил запоры и задвижки,
Мирный дом опустошил.
Красоваться бы на вышке,
Да Господь не разрешил.

Ночь темна, и небо мглисто.
Снова тянет за порог.
Не страшит рецидивиста
Ни второй, ни третий срок!

КАБАН

Загребущие повадки,
Завидущие глаза.
Перерыл подлец все грядки,
Все лужайки и леса.

Ненасытный, грязный, шалый,
Роет он дорогу в рай.
Полтора аршина мало —
Всю Россию подавай!

СТРАТЕГ

Гром и молнии в Кизляре!
Всполошился белый свет.
Кремль в ударе и угаре:
Как в Филях, шумел совет!

Деловито и уморно
Усмирял стратег грозу.
Только вот повязки черной
Не хватало на глазу!

СВЯТОСТЬ

Вручил пасхальное яйцо
Слегка небрежно.
Лизнул опухшее лицо
Прохладно-нежно:

«Пускай он с бусорью в башке,
Пускай он — дьявол:
Лишь бы со свечкою в руке
Стоял и правил!»

ЖУТЬ

В нашем царстве мрак и жуть —
Время невеселое:
Сам хватается за грудь,
А народ — за голову.

У того сердечный сбой
После влива каждого.
Ну и что-то с головой
У народа нашего!

ПОХМЕЛЬЕ

Стоят, касаясь облаков,
Пустые серые коробки:
Не слышно стука молотков
И заросли бурьяном тропки.

Незавершенные дома
Глядятся сумрачно и сиро.
И вновь вселяется зима
В их беспризорные квартиры.

А люди ждали столько лет
И не дождались новоселья.
И кто-то кроет горсовет
И гонит жалобы с похмелья.

И не сошел никто с ума
От одичанья и бессилья,
Что заморожена сама
Моя печальная Россия.

ПРИТЧА

В царстве смута,
В царстве страх —
Не спасешь молебном.
Вся страна в очередях
За рублем потребным.

Ну а царь силен и брав,
Да чудит немножко:
По привычке перебрав,
Забавляет ложками!

ЧУЖИЕ

Ошалело лошади
Скачут по экрану.
А по Красной площади —
Тихо — ветераны...

По брусчатке каменной,
Гладкой и щербатой,
Бродят неприкаянно
Старые солдаты.

Хмурые, недужные,
С горькими обидами
Никому не нужные,
Богом позабытые.

Все кругом чужое —
И дома, и лица.
Отдалась без боя
Русская столица.

Отгуляли власовцы
Свой парад победы.
Жуковцы да язовцы
Заживо отпеты.

Ложью несусветною,
Выдумкою вздорною
Очернили светлое,
Обелили черное.

* * *

Любопытный люд скулит:
Что собачий год сулит?
Отвечаю прямо,
Без вранья и срама.

Все у матушки-земли
По земной науке:
Оборзеют кобели,
Расплодятся суки!

МУДРЕЦ

— А если вам признаться честно,
На сердце руку положа... —
Так говорил мудрец известный,
Чужую душу вороша.

Он мог задобрить и ославить,
Подбросить шутку, как донос,
И анекдотами забавить,
И даже рассмешить до слез.

Изображая боль и муку,
Не говорил, а ворковал.
А сам, прикладывая руку,
Умело сердце закрывал.

ЗАКОННИК

Любой параграф строгий,
Что преграждает путь,
Он мог убрать с дороги
Или перешагнуть.

Законник убежденный
Не тратил лишних сил:
Он не топтал законы,
А ловко обходил!

ЛИХАЧ

Явился домой на рассвете,
Устало присел на порог.
— Опять провозился в кювете? —
Бросает мамаша упрек.

В минуту раздумья тяжелого
Глядит он угрюмо на мать:
Сидит и ломает голову,
А мог бы давно сломать...

МАСТАК

Вернулся приятель с Камчатки,
Расхвастался неспроста:
— А мне все равно что перчатки —
Профессии и места!

Мамаша глядит на сына,
Не наглядится никак:
— Ты с детства у нас молодчина,
На всякое дело мастак.

— Какая ты, право, растяпа! —
Обрушился батька на мать. —
Профессию надо, как бабу,
Одну на всю жизнь выбирать.

ГОСТЬ

Шагает по селу мужчина,
Как много-много лет назад:
На всех поглядывает чинно,
Бросая хмурый, колкий взгляд.

— Ну ничего не изменилось
У этих старческих ракит.
Ведь даже грач —
Скажи на милость —
Все тот же на гнезде сидит.

Все та же грязь,
Все та же серость,
Все те же тряпки на кустах.
Послушай, грач, какую прелесть
Нашел ты в дедовских местах?

Презрительно взглянув на гостя,
Грач не ответил ничего,
А только плюнул с явной злостью
На шляпу модную его.

ГЛУШЬ

Остались в деревушке
Две Нюшки да две Мушки.
Зимой у дальней елки
С похмелья воют волки.
К бесовской песне глухи
Усталые старухи.
Лишь Мушки с перепугу
Впотьмах грызут друг друга.

* * *

Бывало, жили не тужили,
Да оплошали мужики.
Теперь деревню обложили
Пройдошливые чужаки.

Картаво каркают вороны,
Тревожно-горько на душе.
Я круговую оборону.
Держу на сельском рубеже.

Не изменив живому делу,
Не потеряв ориентир,
Отчаянно и оробело
Гляжу на одичавший мир.

* * *

Дожди в полях заморосили.
Дурная осень настает.
Недаром «Радио России»
С утра глумливо выдает:
«Это песня, дружище,
Твоя и моя:
Нам ее прошипели
Родные края».

Над песней явно потешались
И презирали чей-то гнев.
А в нашей памяти остались
Другие строки и напев:
«Эта песня, дружище,
Твоя и моя:
Нам ее прошептали
Родные края».

Меня невольно забавляла
Игривость бойкого певца.
Коль есть у радио «Начало»,
Не миновать ему конца!
Это правда, дружище,
Твоя и моя.
Нам ее подсказали
Родные края.

Мы

Людмиле Москалевой

Мы не очень знамениты
И не шибко прыткие.
Но и мы не лыком шиты,
А суровой ниткою.

Эту нитку мать сучила
Вечерами зимними,
Чтобы — никакою силой,
Никакими ливнями!

ЖИВЫЕ ЗЕРНА

Мой дед всю жизнь пахал и сеял,
Не вылезая из села:
Мол, только б матушка Расея
Светло и радостно жила.

Я горд, что он корпел упорно,
Что не жалел для нас горба,
Что зреют дедовские зерна
В колосьях нашего герба.

В тех зернах крепь моей державы,
Ее достоинство и стать.
И никакой орел двуглавый
Их не способен расклевать.

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

Апрельский дождь косой наводкой
Гвоздил по молодой траве
И лихо выбивал чечетку
На непокрытой голове.

Мальчишка, шалый и веселый,
Залитый солнцем и дождем,
Скакал на прутике из школы
И утирался рукавом.

Сейчас — ни смеха, ни азарта.
Сейчас вошел понуро в класс:
И волос выпадал на парту,
И горе капало из глаз.

И за окном двоился тополь,
И непонятный бил озноб,
И необъявленный Чернобыль
Кропил испариною лоб...

ПОДЧАСОК

Я хожу вдоль забора дощатого,
Позабыв про усталость и сон.
У меня на посту подчаском
Коренастый багряный клен.

За оградою звезды слоняются
И вечерняя благодать.
Клен ветвями к березке тянется
И не может никак достать.

Как ни бейся —
Не будет толку,
Все равно стоять ему здесь:
Он не может уйти в самоволку,
Через этот забор перелезть.

Лишь украдкой,
Как самую близкую
Полюбовную тайну храня,
Он бросает ей листья-записки,
Чтобы их не заметил я.

Улыбаясь далекой дивчине,
Я веселый с поста уходил.
А его по какой-то причине
Разводящий сменить забыл.

ПТИЧИЙ БЛУД

Грачи и лебеди вспорхнули
И устремились на восход.
Чужие молнии и пули
Остановили их полет.

Подвергнув странников опале,
Чужие горы смерть несли:
Кому-то крылья обломали,
Кому-то душу обожгли.

И вожаки сказали стае,
Невольно ощущая блуд:
«Зачем мы тут — в Афганистане?
Мы перепутали маршрут!»

И птицы зашумели бранно
И опустились на броню:
«Прощайте, горы и душманы:
Мы отправляемся в Чечню!»

ПРОЩАЙ И ПОМНИ

«Прощай, прощай и помни об мне».
В. Шекспир. «Гамлет»

Из записной книжки
Зои Космодемьянской

Россия, матушка моя,
Опять с ухмылкой гнусною
Чернит гремучая змея
Святое имя русское!

Как ты могла родную дочь
Отдать на поругание?
Она уходит в эту ночь
На вечное задание.

Она шагает в стан врага
Ноябрьской ночью мглистою,
Еще не ведая греха,
Еще по-детски чистая.

И не страшит ее петля
И смех змеи гремучей.
Но шепчут снежные поля
О смерти неминучей.

И поджидают палачи
Уже давно в засаде.
И руки цепкие в ночи
Хватают грубо сзади.

Без страха встретила допрос
Таинственная Таня.
А за порогом ждал мороз
И — вечное молчанье.

Она ступает, как в огне,
Все муки пересиля:
«Прощай и помни обо мне
В любые дни, Россия!»

Библиографическая справка

«Подснежник». Сборник стихов.
Орл. кн. изд-во, 1963.
«Земляника». Сборник стихов.
Приок. кн. изд-во, 1966.
«Ясень». Сборник стихов.
Приок. кн. изд-во, 1969.
«Анютины глазки». Сборник прозы.
Приок. кн. изд-во, 1972.
«Снежедь». Лир. тетради.
Приок. кн. изд-во, 1974.
«Ядринка». Сборник стихов.
«Современник», 1976.
«Живые зерна». Сборник стихов.
«Сов. писатель», 1977.
«Журавинка». Сборник стихов.
Приок. кн. изд-во, 1981.
«Щеглы». Сборник стихов.
Приок. кн. изд-во, 1991.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Дым Отечества 5
Легенда о Кукше 7
Баллада о татарнике 9
Самород 10
Предок 12
Горький корень 14
Затишье 16
«Там, где Ядринка петляет...» 18
«Порою грусть возьмет за душу...» 19
«Я стою и слушаю..» 20
«Позабыты старые...» 22
Мать 23
Земляк 24
«Я детскими наивными глазами...» 26
«Люди носят ожоги...» 27
«Все смешается во мгле...» 28
Заповедь 29
«Уже, наверно, четверть века...» 30
«В семью рабочую зачислена...» 31
«Скоро вьюга запенится...» 32
Журавленок 33
Чудак 34
Имя 36
«В Дубках, да в Лужках, да в Скородинке...» . 38
Бежин луг 40
«Мне памятна каждая веха...» 41
«Городок — столица захолустья..» 42
«Гляделись звезды робко в Снежедь...» . . 43
«Человек остановился в поле...» 44
«У этой старины ракитовой...» 45

«Я останавливаюсь с[illegible]а...» 46
«Никак найти не удается...» 47
«Прикрыв колени легкой шалью...» 48
«Хрустели под ногами тени...» 49
«В Спасском парке...» 50
«Пролетают годы вереницей...» 51
«Запалили мальчишки...» 52
«Ушел певец природы...» 53
«Опять в усадьбе Фета...» 54
«Я тону в житейском море...» 55
«В конце весны, в начале лета...» 56
«Тревожно и устало...» 57
«Года, как заросли, раздвинув...» 58
«Ни в Солотче, ни в Криуше...» 59
«Я вернусь домой не скоро...» 60
«Бывал ли ты в Дорогобуже?..» 61
«При виде строк и строф кручены[illegible]...» 62
Баллада о верности 63
«Я в это слово верю свято...» 65
«Легли налево и направо...» 66
Свет 67
«Я отправлялся в путь-дорогу...» 68

МАТИЦА

«Теперь у нас в Гудиловке...» 71
«Мать присела на порог...» 72
«Скрипел январь полозьями...» 73
«Помню: дед, худ и сед...» 74
«Говорят, моя бабуся...» 75
«Я слышу говор кос и грабель...» 76
«Окидываю мысленно...» 77
«Пошлю красивую открытку...» 79
«Вернусь из странствий в сентябре...» 80
«Я опять, усталый и счастливый...» 81
Матица 82
«Снежный ветер ударялся в пляску...» 83
«Я пойду ромашковой дорожкой...» 84
«Я его узрел еще мальчишкой...» 85
«Может быть, это было на Орлике...» 86
«Приеду — разобью палатку...» 87
«Провожая в дальнюю дорогу...» 88
«Я снова вернулся на родину...» 90

Коса 92
Кузнец 93
«Это не богатство...» 94
«Ниже, ниже, ниже...» 95
«Попекушки, попекушки...» 96
«Был в народе славен...» 97
«Везли немазаные дроги...» 98
«Снова вижу матицу за печкой...» 99
«Порой заарканит дорога...» 100
«Соберу и уложу в рюкзак...» 101
«Дорога радует не всякого...» 102
«Я в деревню часто приезжаю...» 103
«Было будничпо и просто...» 104
Щеглы 105
«Я вновь задумаюсь в печали...» 106
«Зарос кувшинками и ряскою...» 107
«Куда девались те орловские...» 108
«Были мельницы и запруды...» 109
Ручей 110
Старый колодец 111
«У ней потрескались колеса...» 112
Подорожник 113
«Я устал на покосе...» 114
Чудо 115
«Погляди: за речкой...» 116
Заправка 117
Микула 119
Зимний сон 120
«Окину поле у ракит...» 121
«За ракитовой канавой...» 122
«Здесь все по-деревенски ново...» 123
«Разучились нынче бабы...» 124
«Перекрестив досками ставни...» 125
Печальник 126
«Вот и вывели стропила...» 128
«Увозит девок и молодок...» 129
«Она живет светло и тихо...» 130
«Тетка возит молоко...» 132
Спор 133
«Вспомнил дед забитый дом...» 134
Петух 135
«Этот лес подарен мне в наследство...» . . 136
Баллада о соснах 137

«Я только месяц из России...» 139
«За мысом спряталась в дозоре...» 140
«У золотистого причала...» 141
«Девчата сидели и пели...» 142
«Все тяжелей, все тяжелей...» 143

ЗАРНИЦЫ

Зарницы 147
«Вечно мальчишки в России...» 148
«Чудак и труженик великий...» 149
«Где тот дремучий травостой...» 150
«В двенадцать лет во мне Гудиловка...» . . 151
«Слышен треск на всю округу...» 152
Эхо 153
Ясень 154
«Где-то рядом громыхали пушки...» 155
Пучок калины 156
«Плелась в глухую ночь лошадка...» 157
«Дороги днем и ночью...» 158
«Свежий хлеб — ржаное чудо...» 159
«Мы рано детство потеряли...» 160
«Далеко ушла война...» 161
«Муж свинцом фашистов косит...» 162
Солдатки 163
«В знакомой роще на опушке...» 164
«Горели поленья в печурке...» 165
«Прошел родитель пол-Европы...» 166
«Чернела туча грозовая...» 167
«Под старою ракитой...» 168
«Баллада о землячке...» 169
«Я узнаю его по форме...» 171
Завет 172
«В Хиросиме скорбно и протяжно...» 173
«Снова гибнут люди где-то...» 174
Мальчуган 175
«Не в ресторанах и столовых...» 176
«Не ради денег и наживы...» 177
Встречный ветер 178
В караулке 179
«Ветер тучи грозовые гонит...» 180
«У нас высокое призванье...» 181
«Над трибуной вскинулась рука...» 182

«Когда заветные открытки...» 183
«Я уезжал, я на вокзал спешил...» 184
«Между лугами-покосами...» 185
«Шел поезд берегом Аракса...» 186
«Затосковав о русых косах...» 187
«Пурга захлестнула округу...» 188

РАЗРЫВ-ТРАВА

Разрыв-трава 191
«Убегает вдаль тропинка...» 192
«Я помню: ты клялась и спорила...» . . . 193
«Знать, такой обычай в Новосиле...» . . . 194
Горько 195
«Стою под окнами училища...» 196
Ласточка 197
Голубая волна 198
«Я в глаза заглядывал ей часто...» 199
«Как дар бесценный и великий...» 200
«Я забыл слова твои бедовые...» 201
«Речка Снежедь, речка Снежедь...» 202
«Вдвоем с черноглазой подругой...» 203
«Случайно юную русалку...» 204
«Губы алы, щеки белы...» 205
«Меня мучительно тревожит...» 206
«Погорели старые контакты...» 207
«Я теперь сожалею малость...» 208
«Пусть на тебя я карту ставил...» 209
«Я снова, я снова, я снова...» 211
«На старой полтавской дороге...» 212
«Лето сыпало дождями...» 213
«Распушил в горячую минуту...» 214
«Я давно тобою спутан...» 215
«Я открываю слишком поздно..» 216
«Я не забыл, я не забыл...» 217
«Под тяжестью обид сутулясь...» 218
«Я давно в любовь не верю...» 219
«Ну-ка, память, трогай дрожки...» 220
«Ты помнишь девочку чернявую...» 221
Память 222
Снежедь 223
«Уплывала шхуна голубая...» 225
Загадка 226

Улыбки 229
«Прости за долгую разлуку...» 230
«Махнув рукою на деревню...» 231
«Тюря» 232
«Мне давно друзья толкуют...» 233
«Я заверил грустную подругу...» 234
«Ах, гусь ты, мой гусь...» 235
«Тряхнув своей прической модной...» 236
«Говорят, что мы с тобой...» 237
«От Снежеди до станции...» 238
«Может быть, в Саратове...» 239
«Не шумела, не грубила...» 240
«Меня сватать приходил...» 241
«Бывало, щеголяли девки...» 242
«Ее глаза холодной синевой...» 243
«Молния...» 244
«Девчонку звали просто Викой...» 245
«Позабыв мальчишескую шалость...» 246
«Ласкает волосы и плечи...» 247
«Взглянув озоровато сбоку...» 248
«Я захмелел совсем немного...» 249
«Агроном вспылил на тракториста...» 250
«Открытая дождям и ветрам...» 251
«Горели руки озорные...» 252
«Сверкала на солнце роса...» 253
Шиповник 254
«Отпадают год от года...» 255
«В каждой захолустной деревеньке...» 256
«Был он масти вороной...» 257
Петька Серый 258
Мурка 259
«Ждет меня маманя на покосе...» 260
«Праздный и веселый соглядатай...» 261
«Нахохлясь и насупясь...» 262
«Лезет с обочины...» 263
«Друзья похожи на арапов...» 264
«Гром хлестал запоздалую тучу...» 265
«То под ракитой возле тропки...» 266
«Вышла в поле деревушка...» 267
«Давно успела позабыться...» 268
«Закатил мой друг поэму...» 269

Камешки 270
«Обратаю Сивку, обратаю...» 272
«Послушай, батенька, послушай...» 273
«Всех святых на помощь звали...» 274

РУБЕЖ

Зеленый холм 277
«Не провожай меня в дорогу...» 278
«Сейчас сам черт не разберет...» 280
Крысы 281
«Он стоит на повороте...» 282
Бедокур 283
Тихоня 284
Пусто 285
«Победно, шумно, браво...» 286
Овца 287
Рецидивист 288
Кабан 289
Стратег 290
Святость 291
Жуть 292
Похмелье 293
Притча 294
Чужие 295
«Любопытный люд скулит...» 296
Мудрец 297
Законник 298
Лихач 299
Мастак 300
Гость 301
Глушь 302
Бывало, жили не тужили 303
«Дожди в полях заморосили...» 304
Мы 305
Живые зерна 306
Слепой дождик 307
Подчасок 308
Птичий блуд 309
Прощай и помни 310